

Найджел Карим

Биологический возраст 24 года, мужчина, европеоид, предположительно иорданского происхождения. Доминирующий психотип: не поддается дифференцированной классификации из-за физиологической коррекции умственно-мозговой деятельности субъекта; имеет патологическую склонность к азартным играм.

Специализация: имплицитная доставка конфиденциальных информационных массивов.

Дополнительные возможности: отсутствуют. Биоимплантаты:

Маргарита Ландау

Биологический возраст 32 года, женщина, европеоид, предположительно испанского происхождения. Доминирующий психотип: сангвиникатор, уравновешенна, хладнокровна.

Специализация: ликвидатор.

Дополнительные возможности: шпионаж, промышленный шпионаж, подрывная деятельность, яды. Биоимплантаты: органы обоняния, детектор отравляющих веществ; механические усилители: половая система.

Киллиан Финукейн

Биологический возраст 34 года, мужчина, европеоид, предположительно ирландского происхождения. Доминирующий психотип: холерикал, вспыльчив, решителен и поспешен в действиях.

Специализация: ликвидатор.

Дополнительные возможности: шпионаж, командование группой, взрывчатые вещества. Биоимплантаты: неизвестно; механические усилители: отсутствуют.

Уровень подготовки: Альфа-V.

Мартин Данст

«Доппельгангер»

Биологический возраст 36 лет, мужчина, европеоид, предположительно американского происхождения. Доминирующий психотип: флегматод, уравновешен, нераздражителен.

Специализация: штурмовик широкого профиля.

Дополнительные возможности: разведка, командование боевой группой, спасательные операции, ликвидация объектов высокого уровня. Биоимплантаты: отсутствуют; механические усилители: отсутствуют.

Уровень подготовки: Альфа-V.

2058 год: специальное подразделение Французского Иностранного легиона, имеет награды. 2062 год: участие в «Хлопковом конфликте» на стороне европейских Транснациональных Статусов. 2063 год: Сан-Франциско, «Казус силиконовых правителей» на стороне Статуса «Локхид Мартин Крайслер». 2064-2066 годы: штатная пешка ТрансСтата «Спектраком». 2067 год: активное участие в ряде операций с обеих сторон в ходе так называемой «Десятилетней войны за куст герани» между Большими Эшелонами на территории стран-участников Европейского Альянса. Имеет шесть ранений.

АНДРЕЙ ФРОЛОВ

СТРАТАГЕМА НЕСТОРАЕМОЙ ПЕШКИ

Андрей Фролов

Стратегема негораемой пешки

«Автор»

2014

Фролов А. Е.

Стратегема несгораемой пешки / А. Е. Фролов — «Автор», 2014

На закате XXI века государства почти подменены Транснациональными Статусами. С затуханием глобальных конфликтов привычные армии остались не у дел, а тактические бизнес-задачи ТрансСтатов решаются членами Шахматного Клуба – универсальными, дорогостоящими и профессиональными воинами-пешками, кратковременно собираемыми в группы для розыгрыша опасных партий. Но сможет ли высокоуровневая пешка скрупулезно следовать намеченной стратегии, когда на игровой доске стоит враг, когда-то бывший напарником? Две сильнейшие команды Клуба сойдутся в смертельной партии, и победит в ней лишь тот, кто не позволит ярости затмить разум, предугадает следующую атаку противника и сумеет заглянуть на несколько ходов вперед. Читайте новый роман Андрея Фролова, построенный на стыке классического киберпанка, острого шпионского детектива и ураганного реалистичного боевика!

© Фролов А. Е., 2014

© Автор, 2014

Содержание

Нью-Йорк	6
Ливерпуль	12
Нью-Йорк	17
Метро-Манила	21
Нью-Йорк	33
Реймс	37
Нью-Йорк	42
Братислава	47
Миннесота, примерно 50 миль до границы с Онтарио	52
Милан	58
Уэст-Палм-Бич	63
Бонн	70
Конец ознакомительного фрагмента.	71

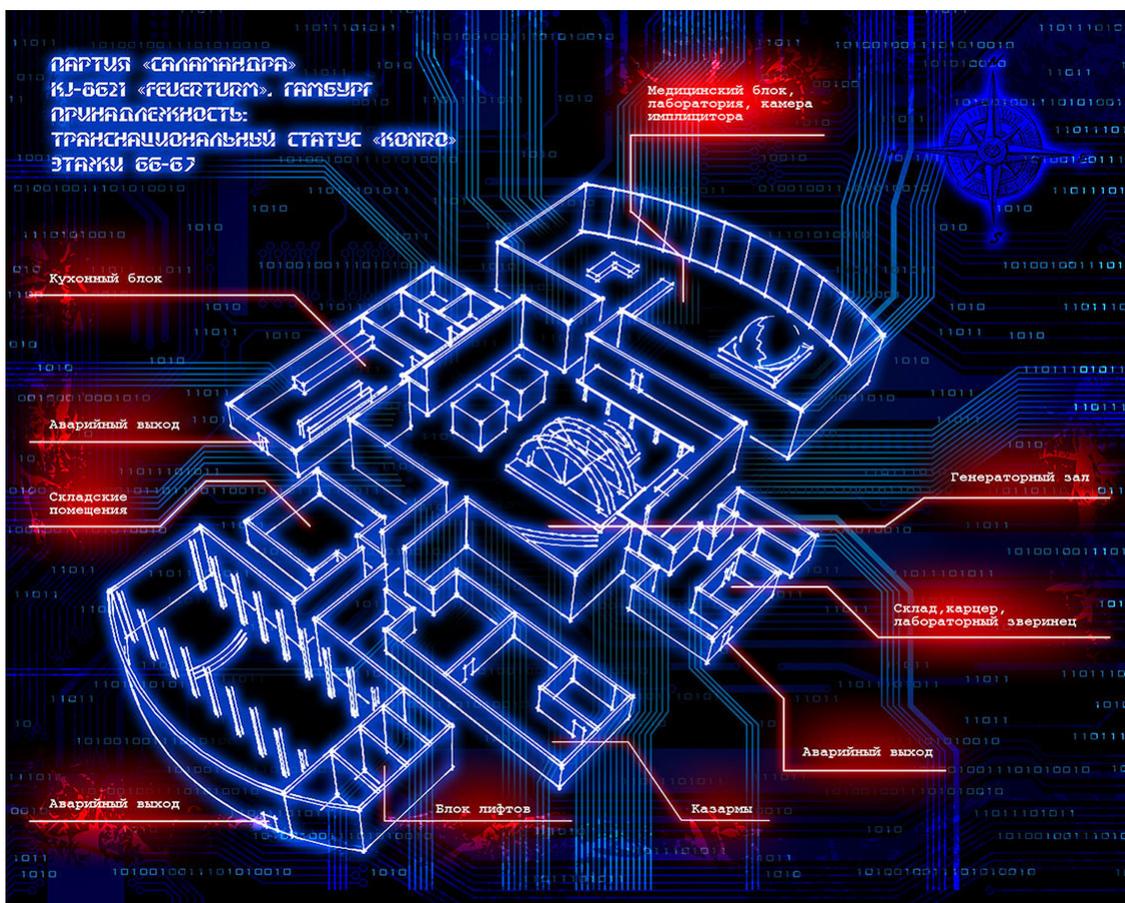
Андрей Фролов

Стратегема несгораемой пешки

Благодарю ветеранов российского спецназа и бойцов сибирского СК «Десантно-штурмовая мобильная группа» за консультации, оказанные мне при написании боевых сцен и, в особенности, кульминационного сражения.

Отдельная благодарность Лизхен Амелиной и Анне Черновой за создание карты «Фортурма».

Спасибо Владимиру Удалову за внимательность, положительную введливость и замечания, после которых тексты становятся чище и технически-вернее.

Нью-Йорк 17 декабря 2068 года 10-30

В какие бы уголки мира не забросила его очередная командировка, которым он отдавал себя без остатка, больше всего на свете Мартин Данст любил возвращаться домой. Возможно, сложись жизнь по-другому, он бы с удовольствием променял мрачный термитник на тихую мансарду у самого берега Сены. На запах круасанов и благочинных соседей.

Но иначе не сложилось. А потому оставалось ценить то, что имел.

Даже если объектом обожания являлись двадцать три этажа темно-серой, ободранной ветром и химическими дождями глыбы пенобетона на пересечении Фостер и Кони-Айленд. Не самого дорогого многоквартирника, но и не самого дешевого. В точности соответствующего потребностям. С сотнями одинаковых, конвейером штампованных квартир и тысячами столь же схожих бруклинитов – серых, бесцветных людей, нагруженных заботами и бытовыми проблемами глобальной важности.

Обитатели, как и место обитания, всецело отвечали нуждам Мартина.

Работяги с пищевых фабрик, вкалывающие с восьми до пяти, а затем проплавающие мозги в сферах «Менгджинг» – самых дешевых шлемах инфоспатиума. Матери-одиночки, едва выживающие на пособие, но умудряющиеся каждый вечер нагрузиться соевым элем. Разорившиеся клерки, еще не потерявшие надежд вернуться на самый верх. Механики, вечерами украдкой перебивающие номера на деталях ворованных соратобу. Депрессивные потомки семейств, тридцать лет назад гордо заселивших реконструированный район. Мигранты. Будущие самоубийцы, жулики, толкачи и бегунки. Начинающие суррогатные матери, только вступившие на путь превращения в ходячее производство. Торговцы нелегальным софтом или пенсионеры, безжалостно выброшенные детьми на обочину жизни. Среди них едва ли нашелся бы еще хоть один, любящий возвращаться в термитник так же, как это любил делать Данст...

Вынужденный держаться границ легенды, он часто задумывался, каким соседи воспринимают его самого. Молодого брюнета, не перенесшего ни одной пластической операции. Энергичного и улыбчивого корпоративного фельдгегера, половину жизни проводящего в разъездах. Одевающегося со вкусом, но просто и отнюдь не богато. Регулярно посещающего, судя по фигуре, спортивный зал. Всегда гладко выбритого, аккуратного и педантичного; вежливого с окружающими, но не дающего себя задирать ни шпане, ни уличным бандитам. Готового прийти на подмогу престарелым соседкам и вдовам, но никогда не позволяющего себе лишнего...

Осмотревшись, Мартин миновал пустой холл западного блока. Медленно, осторожно.

Не заметил ничего нового, за исключением еще одного слоя настенной живописи, теперь перебравшейся и на матовые двери лифта. Осторожно поставил на битый кафельный пол объемные спортивные сумки, утопил разболтанную кнопку вызова. Улыбнулся, услышав знакомое дребезжание и стон. Улыбнулся еще раз, задумавшись о том, что действительно полюбил эту «пустынную келью, где пылает камин».

Сколько в точности его не было? Девятнадцать дней? Мартин заранее представил себе трогательную реакцию миссис Биллингс, живущей в квартире напротив.

– Милый Мартин, как же долго тебя не было! – скажет она, складывая ладони, будто для молитвы. – Мы все так соскучились! Проклятые, да простит меня Господь-Объединяющий за злобу, Квезада опять взялись водить к себе чужаков... Полагаю, они снова торгуют *запрещенным*...

Последнее слово, наверняка, будет произнесено с придыханием и многозначительным поднятием бровей.

Лифт гудел в недрах шахты, мерно отсчитывая этажи и приближаясь.

Мартин снял утепленную кепку с неизменным логотипом «Нью-Йорк Янкиз», провел пятерней по коротким темным волосам, сунул головной убор в карман куртки. Нагнулся, намереваясь поднять сумки, но в этот момент зашипела внешняя дверь термитника. С характерным скрипом отползла в сторону, впуская в пустынный холл волну морозного воздуха, пронзительные звуки далеких автомобильных сирен, тяжелый запах зимнего смога и ворчливый темнокожий вихрь вдовы Айо Тунде.

– Однако! – с порога протянула еще одна из соседок Мартина.

Несмотря на то, что впервые посетить аэропорт Джона Кеннеди крохотная Тунде смогла еще в начале века, нигерийский акцент не затерялся, превратив слово в «онаакоу». Эхо шелкнуло по плиткам пола, большинства которых не хватало, ударило в стены и вернулось к дверям.

Старуха суетливо пересекла холл, останавливаясь рядом с Мартином. Слово неусидчивого ребенка, перехватила на локте пакет из разлагаемой пленки; внутри глухо брякнули консервные банки. Невысокая, седая и темная, с глубоко-запавшими глазами, мистресс Тунде выглядела болезненно и сухо, что совсем не вязалось с ее неугомонным характером и умением совать нос в чужие дела.

Она наизусть знала всех, кто живет в доме. Знала их родню. И дальнюю – тоже. Знала привычки, музыкальные предпочтения, долги за коммунальные услуги, любимую марку виски и количество часов налета на соратобу. Иногда Данст думал, что женщины, подобные ей, автоматически прилагаются к любому многоквартирному дому, словно подвальные крысы или протекающая кровля.

– Как поживаете, мистресс Тунде? – натянув дежурную улыбку, поинтересовался Мартин.

Конечно, первой после возвращения он бы предпочел встретить милую миниатюрную Нину, живущую на двенадцатом. На худой конец – Роберта Эшли, с которым иногда пропускал по кукурузному пиву, несколько раз ходил на бейсбол или смотрел матчи по телевизору. Однако силы, отвечающие за его благополучное возвращение с Филиппин, распорядились иначе.

– Юный Мартин Данст... – Покачав головой, женщина протянула тонкую левую руку, неожиданно крепко сжав его локоть. – Я рада твоему возвращению, мальчик! Особенно сейчас. – Она прищурилась, будто готовилась отчитать нашкодившего школьника. – Ты ведь помнишь, что завтра я снова пойду собирать средства на восстановление забора вокруг детской площадки?

Английский пожилой соседки, равно как и ее католингво, грешил рычащим и протяжным акцентом, превращая любой комплимент в рокошущее предостережение.

– Разумеется, мистресс Тунде.

– Тогда отложи еще пару зеленых, молодой Мартин, – назидательно посоветовала она, продолжая растягивать слова и глотать целые слоги. – Система отопления готова лопнуть, как переполненный аппендикс. Добывает лишь до семнадцатого, выше люди замерзают в собственных постелях. Я этого так не оставляю, мальчик. Особенно с учетом обещанного похолодания. Поверь, такого января Большое Яблоко не видело с пятьдесят шестого...

– Непременно отложу, мистресс Тунде, – кивнул Данст, продолжая улыбаться.

Забросив одну сумку на плечо, он перехватил вторую той же рукой, свободной забирая у старухи пакет. Та хмыкнула, кивнула, а затем мелко хлопала его по плечу – вышло почти по лопатке, но выше Айо Тунде не дотягивалась.

– Ты хороший молодой человек, юный Мартин...

Лифт распахнул створки, выдохнув в лицо запахи мочи и синтетической марихуаны. Мартин чуть отступил, пропуская соседку внутрь.

– Любезен, как пришелец из прошлого, молодой Данст, – мистресс Тунде сухо раскашлялась в коротком приступе смеха, осматривая его с ног до головы, будто искала изъян. – Галантен и силен, только подумай...

– Мистресс Тунде, вы опять меня смущаете. – Мартин опустил глаза, умудрившись пожать плечами и при этом не уронить тяжелую сумку. – Неужели старомодность стала недостатком?

– Отчего же? – вопросом на вопрос ответила она, привставая на цыпочки и нажимая кнопки нужных этажей. – За такой старомодностью молоденькие девушки охотятся уже лет двести... Редкий товар. Поверь, я знаю, о чем толкую... – Она снова раскашлялась в лающем смехе. – Юный Мартин, немедленно отвечай старой Айо, какого беса ты до сих пор не обзавелся спутницей жизни?

Ее карие глаза внимательно буравили, не позволяя отвернуться. Мартин, в душе забавлявшийся этой ритуальной игрой, теперь улыбнулся по-настоящему.

– Вы все хорошо понимаете, мистресс Тунде. – Он покосился на сумки, еще отмеченные багажными бирками. – Моя работа. Причем из числа тех, что не бросают по прихоти... А когда бываешь дома не больше пяти месяцев в году, найти понимающую жену становится почти невозможно...

– Ох, юный Данст! – Старуха прищурилась, грозя ему костлявым пальцем цвета свежего кофе. – Сдается мне, ты просто бездельник, избегающий ответственности и маленьких спингрызов!

– Мистресс Тунде... – с укором протянул Мартин, но та уже меняла тему. Лифт останавливал и неспешно полз вверх.

– Как прошла поездка? – Она мотнула подбородком, призывая выкладывать правду, и ничего кроме правды. – Уже стал настоящим феромимом?

– Нет, мистресс Тунде, не стал. И не стану, специфика наших работ несколько различны. А еще вам хорошо известно, что я не жалую неохумовскую братию и не позволю совать в свою черепушку что-то чужеродное.

– Знаю-знаю... Значит, опять плясал под дудку очередного богача, не доверяющего традиционной почте?

– В самую точку, мистресс Тунде, – покорно склонил голову Данст, потешаясь, что почти не лжет. – Банкир из Старого Города. Естественно, параноик. Естественно, не доверяющий ни инфоспатиуму, ни даже, представьте себе, профессиональным имплициторам.

– Когда-нибудь, молодой Мартин, ты допрыгаешься! – Айо Тунде неодобрительно покачала головой. – Кто знает, что хранится в конвертах, которые ты возишь? Любовная переписка, за которую можно схлопотать пулю? Деловые секреты?

– Вообще-то, мистресс Тунде, за этот риск мне и платят, – миролюбиво подмигнул Мартин. – И пока на счету водится пара лишних баксов на ремонт системы отопления, я не пере стану колесить по миру.

– Никчемная работа, юный шалопай, – хмыкнув, Айо поставила в споре точку и скрестила на груди тощие руки. – Работать на тех, кто бесится с жиру и платит огромные деньги за перевозку какого-то письма! Тьфу. Уймись, наконец. Найти нормальную работу и жену...

– Непременно, мистресс Тунде, – честно сознался Данст. – Но пока меня кормит именно эта никчемная работа. А что уж именно решил доставить клиент, будь-то бейсбольная карточка, договор или редкая марка, меня не касается. Вы когда-нибудь задумывались, что ни инфоспатиум, ни имплицитор не способны донести до адресата письмо с тонким ароматом духов, выведенное женской рукой?

– Глупости... – пробормотала она, но развивать мысль прекратила. – И где же тебя, молодой Данст, носило на этот раз?

– Филиппины.

– О! – мистресс Тунде покосилась на него снизу вверх, и в глазах мелькнула тень зависти. – Было жарко?

– Весьма жарко, – сознался Мартин, удержавшись от невеселого вздоха. – Вам помочь с пакетом?

Лифт остановился, на разбитом цифровом табло вспыхнула цифра 15.

– Справлюсь. – Айо забрала у него продукты, отодвигаясь от дверей.

– Доброго дня, мистресс Тунде.

– И тебе не болеть, юный Данст...

Кабина понесла темнокожую старуху вверх, на восемнадцатый, куда почти не добивал напор горячей воды в радиаторах отопления. Хмыкнув, Мартин наконец-то глубоко вздохнул, невольно представив, каково в свое время жилось на свете мистера Тунде...

Осмотревшись, мужчина двинулся по широкому коридору, прислушиваясь и внимательно разглядывая ряды одинаковых светло-зеленых дверей. Из-за одной неслась музыка. Где-то сам с собой разглагольствовал мужчина. Где-то мать отчитывала ребенка. Рабочие утренних смен уже укатили на монорельсе на предприятия или в порт. Рабочие ночных отсыпались, погрузившись в тревожные сны.

На секунду задержавшись возле новой картины местных граффитистов, занимающей площадь трех дверей и внушительного куска стены, Мартин подошел к своей квартире.

Подступил к островку уюта, едва вмещавшему пятьсот сорок квадратных футов площади. К берлоге, становящейся его прибежищем в дни, когда он жил лишь отчасти, ожидая нового заказа в анабиозной неге. Мартин облизнул губы, предвкушая вкус суррогатного кофе из автоповара на тесной кухне.

Опустил тяжелые сумки на пол, сунул руку в карман куртки.

Невольно взглянул направо. Там, в конце длинного общего коридора находилось мутное, никогда не мытое узкое окно, выводящее на Фостер-Авеню. Нью-Йорк, со всей его суетливостью, мелочностью и раздражительностью, давно пробудился и ворчал, гудел, ревел, приготовившись зарабатывать, воровать, убивать и обманывать.

Нет, наверняка где-то еще и создавали, творили, изобретали.

Но лишь для того, чтобы тут же украсть, убить или заработать.

Приготовившись чиркнуть ключ-карточкой личного доступа по электронному замку, Мартин насторожился, почувствовав на спине пристальный взгляд. Медленно обернулся, помахав в крохотную скрытую камеру, которыми его соседка напротив буквально напичкала подступы к квартире.

Лязгнув десятком засовов, дверь миссис Биллингс приоткрылась. Старуха – упитанная, круглолицая, представлявшая полную противоположность Айо Тунде, – показалась в проеме. Одетая в домашний халат неопределенного цвета, она выглянула наружу, недовольно оглядывая пустой коридор.

– Доброе утро, миссис Биллингс, – Мартин склонил голову.

– Ох, милый Мартин, доброе утро! – она улыбнулась одними губами, фальшиво и вымучено. – С приездом? – Ее серые глаза, будто сканеры, изучали увесистые сумки, словно хотели сквозь плотную ткань узнать, что же внутри. – Только что приехал? Это хорошо, Мартин, очень хорошо! Уж и не знаю, кого просить, кроме Господа-Объединяющего, чтобы приструнить этих несносных Квезада! К ним постоянно шастают какие-то подозрительные типы! Причем *допоздна!*

Последнее слово было произнесено тоном заговорщика.

– Они совершенно не дают спать нормальным людям! А еще невыносимая старуха Тунде скоро пойдет собирать деньги. Якобы на ремонт системы отопления. Но я-то знаю, что на самом деле она тратит их на...

– Я уже встретил мистресс Тунде, – вежливо, но решительно прервал ее Данст.

– Но Квезада...

– Я обязательно переговорю с Мигелем. При первой же возможности.

– Это хорошо, – безрадостно констатировала она, поджимая пухлые губы. – Когда тебя нет, этот дом превращается в суший бедлам!

– Я вернулся, – негромко отметил он. – Как самочувствие Чаки?

Старуха обреченно прижала ладонь к щеке. Мало кто в доме не знал, что большую часть пенсионного пособия женщина тратит на лечение своей невыносимой псины, чья генно-селективная конструкция дала сбой еще при рождении.

– У бедняжки снова начались головные боли... Ночами он никак не может заснуть. А когда Квезада открывают свои двери для не пойми какого сброда, и вовсе сходит с ума от собственного лая... – Она понизила голос, наклоняясь вперед, но не спеша переступить порог квартиры. – Знаешь, Мартин, я недавно узнала...

– Это голос Чаки? – осторожным, но давно отточенным приемом перебил ее тот, внимательно вслушиваясь в царящую вокруг тишину. – Мне показалось, я слышал визг...

Лицо миссис Биллингс исказилось, словно ей сообщили о гибели сына. Охнув, она отпрянула и побледнела.

– Не слышу... Господь-Объединяющий, почему я его не слышу? Ох, прости, Мартин, я бы поболтала, но, кажется, пора кормить Чаки пророщенной соей. Знаешь, ученые недавно выяснили, что линолевая кислота способна укрепить генетическую решетку хворающих селекто-питомцев... Еще раз с приездом, сосед! – Она потянула створку, готовясь закрыть. – И не забудь про обещание разобраться с этим тупоголовым Мигелем! А еще сходи-ка к врачу...

Мартин стер улыбку с лица. Утро определенно грозило не задаться. Но он был готов ко встрече с соседями, а потому не позволил дурному настроению взять верх.

К врачу... Кроме любви к подыхающей собаке-конструкту и букета фобических страхов, проросших на убеждении, что ее хотят ограбить, изнасиловать или убить, миссис Биллингс была соткана из нерушимой уверенности, что знает о людях *абсолютно все*. Например, старуха всерьез полагала, что такой видный и красивый мужчина, как Мартин Данст, при посещении экзотических стран не может не воспользоваться услугами эскорт-девушек. Следовательно, каждый раз привозит из какой-нибудь Малайзии что-нибудь смертоносное и малазийское, а выжил до сего дня лишь благодаря мудрым советам миссис Биллингс...

Данст вздохнул и поднес чип-карту к замку. Тяжкое бремя любимца старушек он нес с честью и терпением, достойным любого из апостолов Господа-Объединяющего.

Потому что так было нужно.

Мартин вплотную, чтобы не было заметно на системах наблюдения миссис Биллингс, приблизился к собственной двери и чиркнул ключом. Индикатор тут же ответил подмигиванием зеленой лампочки. Но Данст не торопился открывать.

Толкни он сейчас зеленую металлопластиковую створку и все престарелые мистресс серого термитника мгновенно испарятся в воздухе, позволив телестудиям и порталам инфопатиума уже следующим утром разродиться сенсационными заголовками: «Неужели снова? Чудовищный взрыв обрушил многоквартирный жилой дом в центральном Бруклине!» или ««Исламский Корпус Очищения Запада» готов взять ответственность за гибель пятисот американцев».

Но Данст не хотел давать газетчикам такого шанса...

Достал из потайного кармана куртки плоский десятикнопочный пульт. Привычно прицелкнул его к невидимым, хорошо замаскированным пазам в верхней части двери...

Актуальное имя: Мартин «Доппельгангер» Данст. Биологический возраст 36 лет, мужчина, европеоид, предположительно американского происхождения. Доминирующий психотип: флегматод, уравновешен, нераздражителен. Специализация: итурмовик широкого профиля. Дополнительные возможности: разведка, командование боевой группой, спасательные операции, ликвидация объектов высокого уровня. Биоимплантаты: отсутствуют; механические усилители: отсутствуют. Уровень подготовки: Альфа-V. 2058 год: специальное подразделение Французского Иностранного легиона, имеет награды. 2062 год: участие в «Хлопковом конфликте» на стороне европейских Транснациональных Статусов. 2063 год: Сан-Франциско, «Казус силиконовых правителей» на стороне Статуса «Локхид Мартин Крайслер». 2064-2066 годы: штатная пешка ТрансСтата «Спектраком». 2067 год: активное участие в ряде операций с обеих сторон в ходе так называемой «Десятилетней войны за куст герани» между Большими Эшелонами на территории стран-участников Европейского Альянса. Имеет шесть ранений. С 2065 года по контрактам различных Статусов самостоятельно формировал восемь боевых групп, общая оценка эффективности мероприятий: 81 %.

...уверенно набрал короткий код. Повторно провел карточкой чип-ключа по щели электронного замка. Дождавшись тройного щелчка, толкнул дверь. Подхватил сумки, торопливо исчезая в недрах небольшой уютной квартиры.

Больше всего на свете Мартин Данст, львиную долю своего времени колесящий по командировкам, любил возвращаться домой.

Ливерпуль 17 декабря 2068 года 15-30 минут

Это зуммер? Это зуммер... Это зуммер!

Киллиан вскинулся. Уже садясь в кровати, самым дальним краешком сознания успел понять, что совершенно не выспался. Проморгался, покачивая пистолетом, сосредоточился на мигающем индикаторе вызова. Сонное лицо осветила привычная, доведенная до автоматизма нахальная улыбка, с легкостью укладывавшая к его ногам десятки женщин.

Сбросив ноги на теплый пол, он облизнул губы и отложил оружие на простыню. Выставив указательный палец, лениво прицелился в электронную систему в рабочем углу большой комнаты.

– Ба-бах, железяка, loscadh is dó ort¹... – пробормотал Киллиан, изобразив выстрел и поковбойски дергая невидимый курок.

Не менее, чем жизнь и свою непростую работу, Киллиан Финукейн любил эффектные, подчас никому не заметные выходы, временами граничащие с дешевым театральным фарсом.

Отбросил плед, встал. Повел затекшими плечами, покачал корпусом, зевнул. Выставив пистолет на предохранитель, переложил оружие на стол. Все еще потягиваясь и морщась, прошлепал к терминалу, заглядывая в плоский изогнутый экран.

Программа дешифровки вытолкнула на дисплей строку с данными о приоритетности вызова. Поджав губу в гримасе «ну, тогда другое дело», мужчина небрежно провел пальцем по встроенному в столешницу тачпаду, окончательно активируя систему. Выключил зуммер. Гул охлаждающих систем набрал силу, включились вспомогательные экраны, обретая глубину и яркость. Почесав живот, Киллиан тяжело опустился в кресло, перебрасывая голые ноги через левый подлокотник.

Он был приятно удивлен. Но все же удивлен.

Потому что совершенно не успел отоспаться, даже несмотря на две капсулы метазапа. И Пороха пристроить толком не успел. И себе нормальную лежку найти не свезло. И с поводами из аэропорта Джона Леннона разобраться времени не хватило. Да что там – как бы сказала Марго, на ближайшие сутки дел, в пору подметкам гореть, а тут...

Киллиан снова зевнул.

Тяжело вздохнул, все еще наблюдая за мерцающей иконкой вызова. Сверился с часами, прикинул личные планы на ближайшие два-три часа. Вспомнил, что в аптечке еще хранятся несколько нейростимов, без которых сегодня, судя по всему, не обойтись. Провел пальцем по столу и яркой светящейся сетке, запуская программу приема. Все же, как ни крути, удивление было приятным...

Машина оперативно прогнала канал на наличие клещей, сноуденов или иных вирусно-отслеживающих программ. Выставила барьеры. Подтвердила цифровую визитку звонящего, отдельно просигналила об отсутствии реальной видео-трансляции и подмене изображения, затем настроилась на запись беседы и перешла в охранный режим повышенной готовности. На всякий случай, больше в силу привычки, Финукейн попробовал вычислить источник. Но наткнулся лишь на привычную фантомную маску, оценившую географический диапазон источника от Пхеньяна до Парижа.

¹ Что б ты сгорела... (ирл.)

Как и прежде, немец не позволял установить свое местоположение. Не сказать, что эта информация была Киллиану крайне необходимой. Но он любил страховаться. А потому раз за разом пытался поймать поверженного на случайном проколе...

Он побарабанил пальцами по призрачной клавиатуре, парящей в нескольких миллиметрах над поверхностью стола. Еще раз убедился, что его собственную точку входа без целенаправленной атаки тоже не отследить. И лишь затем разрешил выход на линию.

На центральном мониторе развернулось псевдоголографическое окно. Большую часть которого занимал поджарый мужчина в идеально выглаженном костюме-тройке цвета спелой сливы. Из той категории одежды, где один лишь пиджак которой стоит больше месячного жалования большинства жителей планеты. Хотя агента было видно лишь до середины груди, Финукейн мог поставить на кон нечто ценное, что его штанины отутюжены до состояния, когда стрелки остротой не уступают вольфрамовым ножам с толщиной заточки в один атом.

– Надеюсь, разбудил... – Уголки губ раздвинулись, моментально делая звонящего похожим на очеловеченную охотничью борзую. Брови, тем не менее, чуть дрогнули, выдав удивление. – Спарси Свит? Издеваешься?

Выбритая прямоходящая борзая в нереально дорогом костюме умело взяла себя в руки. Но Киллиан все же улыбнулся – дубликат на экране повторил его улыбку, – довольный этим мимолетным замешательством. Он никогда не следовал деловой этике, издеваясь над агентами и раз за разом подменяя собственное изображение реалистичными моделями, вроде Микки Мауса или русского Дядюшки Джо. В этот раз предоставив Даниэлю Шлейзингу возможность общения с восходящей малолетней порнозвездой инфоспатиума.

Шлейзинг тоже раздвинул губы. Неубедительно, натянуто, одним выражением лица оценив всю неудачность выходки и дурновкусие собеседника. Пожал плечами.

– Вероятно, в свое время матушка перехвалила твое остроумие...

– Приветик, Даниэль, – Киллиан взлохматил и без того растрепанную рыжую шевелюру. Свит в точности повторила движение, растрепав каштановые локоны. Надула губки. – Я что, тебе не нравлюсь?

– Сиськи маловаты. – Шлейзинг повел кустистой бровью. – А еще, Киллиан, я предполагаю, что за сексуальным подтекстом твоей фантомной занавески кроется неудовлетворенность проделанной работой. Возможно, также тут наличествуют страх и повышенная тревожность, предшествовавшие моему звонку. Ты злишься на самого себя, ожидая ответной реакции на недавние события, и совсем не уверен, что сможешь им противостоять.

Немец откинулся на спинку кресла, лениво барабанил пальцами по столу. Вся его поза будто предлагала подтвердить или опровергнуть высказанные предположения. Киллиан снова не сдержал улыбку, причем искреннюю, откровенно радостную. Он всерьез считал Шлейзинга большим молодцом. Настоящей акулой шахматных морей, знатоком человеческих слабостей и мастером хождения по чужим головам. В сорок четыре года тот сумел заработать репутацию одного из самых значимых людей по *ту сторону бизнеса*... И уже не первый год изумлял Финукейна умением переходить к делу с идеально равными долями обидного и честного.

– Я бы включил видеосвязь, – ирландец неопределенно взмахнул рукой, – но совсем не одет.

– Она тоже.

– Ты нашел меня для того, чтобы оценивать гардеробы, строить шаткие конструкции психологических предположений, или перейдем к делу?

– К делу? – Казалось, Шлейзинг удивился. Аккуратно провел ладонью по современной лакированной прическе, словно там могло что-то растрепаться. Оценивающе покачал головой, пожевал губу. – Ну что ж... если ты действительно готов отложить поход по борделям, барам и притонам... или бегство до Сторнауэя... если готов на время забыть про комитетчиков из аэропорта... и свой жуткий похмельный недосып... Тогда я согласен перейти к делу.

Киллиану стоило немалого труда сохранить на лице Спарси Свит выражение глуповатого недопонимания. Потому что информированность немца, как обычно, оказалась на высоте. И не будь они знакомы с пятьдесят третьего, Финукейну было бы впору паниковать и выискивать на теле, в одежде или норе средства слежения...

– Твои источники... преувеличивают, – с легким нажимом ответил он, шутливо погрозив объективу пальцем.

– Мои источники никогда не преувеличивают. – Шлейзинг окаменел, теперь шевелились только губы. – А еще я доверяю интуиции. Резолюциям комитетчиков. И недурному знанию тебя, ирландский отморозок. Ну, давай, Киллиан, попроси меня рассказать, что творилось в Комитете минувшей ночью?

Финукейн вздохнул. Подобные вести предпочтительнее выслушивать на трезвую и чистую голову, но раз уж они все равно начали беседу...

– Расскажи.

– Вот. Теперь мы на верном пути. – Даниэль протянул руку за кадр и извлек оттуда чашку кофе. Наверняка натурального, выращенного на нелегальных плантациях Южной Америки. Дорогого, как настоящий, почти канувший в Лету кокаин. – И сейчас, когда мне удалось привлечь твое внимание, первым делом хочу успокоить. Возможно, я помогу...

– Возможно? – Киллиан помассировал висок.

Начинала болеть голова, и ирландца все сильнее подмывало вскрыть аптечку с завалившимися в ней нейростимами.

– Не стоит недооценивать ситуацию, мой кельтский друг. У тебя на руках пенс в категории «неактивного игрока», а еще цунами дерьма, наступающее с Филиппин. У меня – в немалой степени ошалелые заказчики. Еще вчера вечером настаивавшие на привлечении именно Киллиана Финукейна, а уже сегодня утром не очень-то уверенные в выборе. Как считаешь, чью сторону примет Шахматный Клуб?

– Брось, Даниэль! – Ирландец отмахнулся, поймав себя на том, что начинает злиться. – Ты не первый день знаешь меня. И ребят моих знаешь. Все в норме. Не без накладок, но... Сейчас – в норме. Совершенно точно.

– В норме...

Шлейзинг покатал слово на языке. Послюнявил мизинец и пригладил правую бровь, густую и идеально подстриженную.

– Возможно, ты никогда не посвятишь меня в детали произошедшего на Филиппинах. Но тебе следует хотя бы ознакомиться со свежими котировками. – Даниэль скосил глаза, будто на соседнем экране у него как раз были развернуты статистические таблицы Шахматного Клуба. – Рынок реагирует очень чутко. Даже на намеки и сплетни. Особенно – на намеки и сплетни. Падение твоего рейтинга составило шесть пунктов за три с половиной часа. Последнюю игровую партию вынесли на разбор специального заседания Комитета. Тридцать минут назад представители «Конро» взяли официальный тайм-аут. Наблюдают, подбирают альтернативные варианты. Ты ведь помнишь, какой уровень ответственности они заявляли?

– Помню. – Киллиан фыркнул, и Спарси Свит сексуально повторила его эмоцию, сморщив носик. – Падение котировок... Надеюсь, хоть ты-то слухам не веришь?

Немец молчал, не мигая уставившись в объектив камеры. Пожалуй, он мог действительно не верить, но цифры, статистика и перспективы... Финукейн нетерпеливо мотнул головой, словно призывая игнорировать свой последний вопрос.

– Поправь меня, Даниэль, если я ошибусь. – Он наконец снял ноги с подлокотника, садясь ровно и придвигаясь к столу. Голова болела все сильнее, ткань кресла неприятно щекотала обнаженную спину, мошонку и зад. – Но мне кажется, что лучшим выходом из ситуации сейчас будет получение и безупречное выполнение нового задания. Да... Данст действительно помо-

чился в мое пиво, старик... Я это понимаю, как готов к негодованию мумий из Комитета. Но верни меня в строй, дай работу, и я за считанные часы восстановлю упавшие пункты.

– Фильтр чуть ли не ежеминутно отсекает твое досье от высокооплачиваемых проектов...

– Наплевать... – Киллиан сжал кулак, заставил себя сделать пару глубоких вдохов. – Если «Конро» сорвется с крючка, бери дешевку. Когда *мои* загудят, доброшу им бонус из личных фондов. Главное, вернуться в обойму до того, как Клуб примет окончательно решение и скорректирует резюме...

– Котировки Данста и без того высоки... – Шлейзинг будто не услышал собеседника, изучая что-то вне его поля зрения. Глотнул кофе, с одобрением покосился на чашку. – А теперь еще и подрастают. Не активно, в пределах суточной погрешности, но... – Немец перевел взгляд на полуголую Свит. – Точно не хочешь рассказать своему поверенному, что именно произошло на Филиппинах?

– Данст оказался слабаком! – Финукейн снова фыркнул, с трудом удержавшись, чтобы не врезать по столешнице. Вцепился в подлокотники кресла. – *Sas ar oíneach*²! Малодушный недоносок! Даю руку на отсечение, что первым делом он бросился плакаться Комитету...

– В «Конро» о случившемся узнали из личных источников...

– Да без разницы! Данст – выкидыш портовой шлюхи! – Киллиан едва не вскочил. Подлокотники закрипели, хрустнули. – Господь свидетель, Даниэль, если ты сможешь убедить их прикрыть глаза на пункты и свежайшие рекомендации Комитета По Разбору, я стану твоим вечным должником...

– Ты и так мой вечный должник, ирландский пес... – Даниэль улыбнулся, и впервые с начала беседы Финукейн почувствовал, что все не так плохо. Если бы заказчики озвучили окончательный и решительный отказ, немец не стал бы тратить время на плетение словесных кружев. – Что с твоим пострадавшим?

– Порханов? Сущая царापина, клянусь могилой матери! Парень через день вернется к делу!

– Успеешь собрать фигуры?

– Без проблем! – Киллиан оскалился. – Они заряжены. Знают, что официально увольнительные еще не подписаны, ждут сигнала.

– За тобой всегда водились хорошие пешки, Киллиан, – кивнул Шлейзинг. – Исполнительные, ответственные, отлично подготовленные. Уверен, ваша оперативность станет еще одним аргументом для бхикшу из «Конро», уже готовых поставить конкретную задачу... Но гарантий не жди – кто знает, чем заняты их менеджеры во время тайм-аута? Я бы, в свете последних событий, обязательно искал дублирующий вариант...

– Еще раз помянешь Филиппины, пронырливый лис, и пожалеешь об этом уже на следующей транзакции, – с улыбкой предупредил Киллиан, откидываясь на шершавую спинку кресла.

– Не обнадеживайся больше необходимого, – уловив смену его настроения, посоветовал немец.

– Отдаю себе отчет.

– Перед заседанием Комитета я попробую связаться с представителями «Конро». В приватном, так скажем, порядке, и применив немного личного влияния...

– Ты мой спаситель, храни тебя Господь!

– Не паясничай. Когда ты кривляешься, эта малолетняя шлюха на экране вытворяет такое... – Даниэль поморщился, но наигранно – по всему выходило, что его тоже захватил азарт предстоящих торгов. – Ожидай решения в ближайшие шесть часов. Ожидай дома, а не в пабе, это ясно?

² Нагадил на честь! (ирл.)

– Как неотвратимость гнева Господнего...

Последнюю фразу поджарый немец в дорогом деловом костюме оставил без комментариев. Все еще продолжая общение с клиентом, параллельно он уже начал работу по организации встречи с представителями Транснационального Статуса «Конро». По столу стучали тощие пальцы, взгляд поверенного метался меж двух или трех дисплеев рабочей станции.

– Новые фигуры? – спросил Даниэль, не глядя в объектив.

– Возможно.

– Вот, слушай... По последним данным, бхикшу нуждаются в группе из шести пешек. Задача партии – продолжительный контроль засекреченного объекта. Сложность партии – повышенная. Санкционирование действий – практически полное, но с рядом четких ограничений. Не знаю, что там затевается, но сидеть без дела придется едва ли...

– Меня это, – Киллиан сладко и сонно потянулся, чувствуя, что головная боль стремительно отступает, – устраивает более чем!

Широко улыбнулся, мгновенно превращаясь в обольстительного и привлекательного сукина сына. Позабыл про изматывающую усталость и прерванный дневной сон. Забыл про нейростимы в аптечке. Забыл про дурное настроение и злость, чуть не раскрошившую стол.

Хорошая, любимая работа – вот что являлось настоящим стимулятором буйного ирландца. Подобно акуле, он никогда не замирал на месте. Двигался все дальше и дальше, вперед и вперед, не оглядываясь, как о том завещали рыжеволосые предки...

Актуальное имя: Киллиан Финукейн. Биологический возраст 34 года, мужчина, европеоид, предположительно ирландского происхождения. Доминирующий психотип: холериенал, вспыльчив, решителен и поспешен в действиях. Специализация: ликвидатор. Дополнительные возможности: шпионаж, командование группой, взрывчатые вещества. Биоимплантаты: неизвестно; механические усилители: отсутствуют. Уровень подготовки: Альфа-V. С 2053 года: устранение объектов особой важности в странах Альянса, Юго-Восточной Азии, Японии, России и Южно-Американской Конфедерации. С 2063 по 2066 год штатная пешка Транснационального Статуса «Светящийся путь», Гонконг. 2067 год – участник ряда операций в конфликте «Куст герани» на стороне Эшелона «Грейтекс». Имеет восемь ранений. С 2064 года формировал и командовал несколькими боевыми группами в самостоятельных партиях, общая оценка эффективности мероприятий: 80,5 %.

– Maith agat³, Даниэль! – Киллиан постарался, чтобы немец услышал в его голосе капельку теплоты. – Знал, что на тебя можно положиться.

Тот сдержанно склонил лакированную голову.

– Bitte⁴, Киллиан. Но обнадеживаться рано...

Шлейзинг прищурился, внимательно изучая потягивающуюся Спарси Свит, и разорвал соединение, привычно не попрощавшись с собеседником.

Ирландец вскочил с кресла и провел серию боксерских ударов по невидимому противнику. Вскинул руки, как будто только что заработал чемпионский пояс, и представил, как ревут нафантазированные трибуны.

Сегодня к вечеру он снова соберет в горсть свои звонкие пенсы. Но сначала прокатится по паре борделей этого чужого города и снимет напряжение, копившееся последние сутки. Времени должно хватить.

³ Спасибо (ирл.)

⁴ Пожалуйста (нем.)

Нью-Йорк 17 декабря 2068 года 12-40

В третьей чашке кофе, по большому счету, нужды не было – сонливость отступила.

Мартин задумчиво посмотрел на дымящийся напиток. Поболтал в нем ложечкой из пресованных опилок, а затем вовсе отставил. Автоповар, конечно, готовил неплохой суррогат, но в больших количествах напиток начинал напоминать приправленный сливками деготь.

Возможно, позже болтливый итальяшка угостит его натуральным. Может, и не натуральным вовсе, но Лучано Черепеха творил с варкой такое, отчего средневековые алхимики позеленели бы от зависти. Так что днем Мартин, может быть, с удовольствием воьет в себя еще чашечку. Но это значительно позже, когда агент соблаговолит дать знать, что зафиксировал возвращение любимого клиента.

Он подошел к окну, задумчиво разглядывая проносящиеся над Фостер капсулы такси. Понаблюдал за спором грузчиков через улицу, проводил взглядом бронированный полицейский соратобу. Понизил прозрачность стекол до минимума. Кондиционер нагнетал в квартиру осеннюю свежесть, а она совсем не гармонировала со слякотно-серой, повышенно-депрессивной картиной за окном.

Вылив кофе в раковину, Мартин вернулся в гостиную. Час дремы вернул ему немного сил. И если и не позволил полностью избавиться от давящего джетлага⁵, то дал хотя бы тень иллюзии.

Синие спортивные сумки по-прежнему стояли у входной двери. Расстегнута была только одна.

Взгляд Данста скользнул на журнальный столик в форме китайского символа Инь-Ян. На нем, в мрачном пространстве черной запятой, лежали два предмета – мобильный терминал, не успевший запятнаться в инфоспатиуме, совершенно новехонький, с еще не содранной защитной пленкой; и плоский дипломат с окованными жестью уголками.

Мартин вспомнил собственные слова про старомодность, чуть раньше сказанные им мисс-тресс Тунде. Задумался, насколько опасной, невыгодной или инерционной может со временем стать его ретроградность. Неспешно обошел стол, присаживаясь на диван.

Он так и не научился понимать коллег, предпочитавших сухие безжизненные цифры на мониторе. Удовлетворявшихся ровненькими строчками нулей, мгновенными переводами, распечатками счетов, не подкрепленных наличкой или увесистыми слитками... По их мнению, что в равной степени обижало и казалось забавным, Данст оставался динозавром, артефактом ушедшей эпохи. Невротиком, не доверявшим банкам инфоспатиума.

Потому что в личной системе ценностей на втором месте после своего дома Мартин любил наличные деньги. Именно наличные – аккуратные пачки новеньких и не очень купюр, запах краски и тяжесть банкнот в руке. Пропуска в мир тех, кто не готов связываться с налоговиками и службами безопасности финансовых структур. Дорогостоящее приложение к настоящей свободе и отсутствию контроля, средство открытия многих дверей...

Когда Данст держал в руках несколько пузатых, словно новорожденные крепыши, пачек, он с предельной четкостью представлял, ради чего живет, работает и помогает миссис Биллингс относить к утилизатору мусор. Это были реальные деньги. Настоящие. Которые при желании можно рассыпать по кровати в стиле Скруджа МакДака или облить шампанским. А можно и кровью, которой, к слову, эти деньги и были заработаны.

⁵ Синдром смены часовых поясов.

Наличке неоднократно предрекали смерть. Сначала с повсеместным внедрением пластиковых карт, возможностью совершить покупку или получить заработную плату, не вставая с дивана; затем с тоталитарным внедрением сети, после – с ее трансформацией в инфоспатиум, всепроникающий и подконтрольный отдельным структурам. Но наличные, равно как и бумажные книги, никак не хотели подыхать – цепляясь за жизнь и психологические якоря в головах, они продолжали существовать, в приличном обществе окончательно превратившись в признак дурного вкуса и незаконной скрытности...

Мартин нежно провел рукой по крышке чемоданчика. Его подмывало насладиться триумфом, но палец лишь погладил хромированную защелку, так и не открыв. Встав, Доппельгангер подошел к сумкам и опустил на корточки.

Вынул из темно-синих недр пластмассовый овал сканера. Прошелся по гостиной, настраивая прибор на детальную, неспешную проверку. Широкий красный луч послушно забегал по комнате, отмечая любые колебания электроники, проникая сквозь предметы и послушно сообщая хозяину об отсутствии каких-либо устройств слежения. Не выключая детектор, Мартин направился в кухню, посетил ванную комнату, прогулялся по спальне и потайным клетушкам.

Было чисто, как и при первичном, поверхностном осмотре. Так, собственно говоря, и предполагалось, но осторожность никогда не бывает лишней или чрезмерной.

Вернувшись на диван, Мартин положил сканер рядом с дипломатом.

– Активация системы «Дом», – громко и членораздельно произнес он. – Верхний свет, мощность три. Шторы закрыть. Дезактивация системы.

С приятным шуршанием окна гостиной затянулись тяжелыми темно-серыми портьерами. Мягко набрав накал, над головой зажглись встроенные в потолок лампы.

Пальцы Данста снова легли на прохладный пластик дипломата. На филиппинский сувенир, пусть и представленный не в полном объеме – при всей старомодности Мартин не был сумасшедшим, чтобы таскать при себе всю заработную плату.

Сверкающие замки таинственно щелкнули.

Пешка медленно, словно дразня сам себя, приподнял крышку. С тонкой, едва различимой улыбкой осмотрел правильные ряды сотенных купюр.

Мистресс Тунде оказалась совершенно права – в Метро-Маниле было жарко... Точнее и не скажешь. Мартин улыбнулся, но на этот раз шире, откровеннее. Жарко... Клацнул крышкой, закрывая дипломат. Откинулся на ортопедическую спинку темно-коричневого дивана, помимо воли погружаясь в неприятные воспоминания. Невольно взглянул на закрытый мобикомп.

Его так и подмывало немедленно войти в инфоспатиум, чтобы проверить котировки и отчеты Шахматного Клуба. Может быть, связаться с поверенным. Просмотреть новости, оценить реакцию общественности и заинтересованных ТрансСтатов. Но Мартин не любил заниматься делами в дурном настроении, а потому просто прикрыл глаза.

Все, что ему требовалось знать, он получил от старика Бенджи еще перед подъемом на борт скоростного челнока, берущего курс на Большое Яблоко. Без шифрования данных, в форме старого доброго иносказания.

– На Филиппины надвигается неожиданный циклон, – сообщил ему агент, без устали мониторящий сводки. – Власти предостерегают жителей от многочисленных химических осадков; также существует вероятность дальнейшего ухудшения погоды, вплоть до подтопления прибрежных территорий. При этом методы местной метеорологической службы, применяемые для экстраполяции погодных условий, более не вызывают доверия.

Именно эта депеша в итоге и стала хлопком в ладоши, спровоцировавшим горную лавину.

Партию обсуждали уже не первые сутки. Но шепот перерос в гам только после того, как Данст официально связался со своим агентом. Уже через десять минут все заинтересованные лица опубликовали свои оценки и комментарии событий. Личный кабинет Доппельган-

гера переполнился письмами и оставленными голосовыми сообщениями. Узкоглазые офицеры Национального агентства координации разведки встали на дыбы, начали рыть землю с утроенным рвением и бросили на поиски дерзких тапицзы⁶ дополнительные силы.

Сам же Мартин, посланием вполне удовлетворенный, в тот момент утонул в мягком кресле комфортабельного челнока, погрузившись в спокойный и лишенный сновидений сон...

Конечно, на этом все не закончится. Совсем скоро Бенджи станет искать личной встречи. Возможно, Дансту даже придется принять участие в виртуальном расследовании специальной комиссии Комитета. Возможно, его досье корректируют в этот самый момент, равно как и котировки. Что при этом происходит с резюме Финукейна, лучше не знать вовсе...

Как бы то ни было, Доппельгангер сам принял решение заключить контракт на неприятности.

И не жалел об этом ни секунды.

Потому что – и пусть его опять назовут старомодным, – искренне считал, что главными составляющими профессионализма пешки являются четкость выполнения инструкций, точный расчет партии и неукоснительное соблюдение условий Шахматного Клуба. Сам Мартин, посвятивший немало лет игре на полях мировых Статусов, этими правилами никогда не пренебрегал. И презирал тех, кто думает иначе...

Данст потер глаза и потянулся. Задумчиво посмотрел на мобикомп, так и приглашающий войти в инфоспатиум.

За толстым стеклопакетом прокатился отголосок автоматной очереди. Судя по всему, где-то на близлежащих крышах термитников или многоэтажных складов. Вторя стрельбе, взвыла полицейская сирена. Ее голос далеко и звонко разносился в сухом морозном воздухе. Взвыла, чтобы тут же захлебнуться – вероятнее всего, патрульный соратобу заглянул не в тот закоулок...

Мартин похрустел шеей. Задумчиво потер подбородок.

В его деле остаться без заказов можно двумя способами – получив пулю или красную строку в репутационное досье. И если бояться огнестрельных или ножевых ранений его отучили давным-давно, от страха потерять лицо он так избавиться и не сумел.

Пешка содрогнулся, вдруг представив, что выбывает из клуба любителей шахмат. Остается на улице с припасенными капиталами, но в шею гонимый агентами и ставший *persona non grata* для любого из руководителей Транснациональных Статусов. Остается без любимой работы, которой отдавал себя целиком. Остается без дела, которое истово любил и старался сохранить.

Доппельгангер попытался подсчитать риски падения его собственных котировок. Размышления и подсчеты успокоили, а дурное настроение начало неспешную ретираду.

Совсем скоро он выйдет в инфоспатиум. И там, вероятнее всего, Данста уже будут ждать новые предложения. Не исключено, что выходка ирландца и вовсе сыграет ему на руку. Возможно, теперь даже не придется заботиться о перехватах контрактов, во многом напоминающих банковские баталии. Ведь многие бхикшу набирают работников персонально, опираясь на их последние достижения – и сейчас у Мартина появился шанс попасть в эту самую «именную высшую лигу».

Нет, прямо сейчас он не станет проверять личный кабинет. Это, скорее, в стиле того же Финукейна. Любое предложение, окажись оно деловым или сугубо личным, должно хоть чуть-чуть отлежаться. Набрать вкус и спелый цвет, и лишь затем стать достойным внимания. Поэтому – почта позже.

⁶ Большие носы (кит. сленг. пренебрежительное прозвище иностранцев)

Прочтя ее, он отправится в Маленькую Италию. Выпьет еще одну чашку кофе, куда более вкусного и ароматного, чем домашний эрзац. Наконец-то угостит агента. Узнает свежие сплетни, расскажет старику про жаркие Филиппины, и обсудит условия предлагаемых партий.

Мартин провел рукой по жесткой щетке волос, задумался о горячем душе. И вспомнил еще одно – четвертое – правило любой исполнительной пешки. Которое гласило, что участники партии ни при каких обстоятельствах не должны проявлять самодеятельности. Не должны делать того, что не указано в полученных инструкциях. Потому что так можно совершить одну из самых серьезных ошибок в своей жизни.

Вроде той, что совершил Киллиан...

Метро-Манила

26 ноября 2068 года

00-40

- Инфильтрацию подтверждаю, визуальный контакт потерян.
- Есть готовность.
- Три минуты.

Город притягивал взгляды, как магнит – рассыпанные иголки. Не мог не притягивать – нереально-огромная, мерно дышащая паутина ночных огоньков, связанных разноцветными шлейфами выхлопов соратобу, неоновыми дорожками скоростных магистралей и монорельсов; ее пестрое полотно завораживало, как крутящаяся гипнотическая спираль.

Мартин полной грудью втянул прохладу ночного воздуха. Который только здесь, на основательной высоте, в самом деле напоминал нормальный воздух, а не тошнотворно-жаркую смесь выхлопов, гари и испарений, едва разбавленных азотом и кислородом.

Три минуты, отведенные ему на подготовку – большой срок. Позволяющий не только настроиться на работу, но даже немного помечтать. Или поразмышлять о чем-то отвлеченном, не имеющим прямого отношения к этой влажной азиатской ночи...

Он поправил полосу страховочного корсета, въедавшуюся в правую ключицу. Отвернулся к стене и прикрыл глаза, наблюдая, как тают на внутренней стороне век призраки светящегося лабиринта улиц. Впитывающая сорочка под комбинезоном набухла от пота. Город под ногами гудел, вопил миллионами голосов, причитал автомобильными сиренами, урчал турбинами соратобу и почти не смотрел на звезды, скрытые пеленой смога.

Досчитав до десяти, Данст снова уставился на себя самого, отраженного в зеркальном боку «Лам-анга». Отраженного в боку одного из новых царей Новой Азии – трудолюбивого вола, до сих пор тянувшего на себе четвертую часть «желтого оборота» поставок в Альянс, США и ЮАК.

Семена никогда не всходят в земле, этого не желавшей. Еще в начале века Столичный Регион показал себя почвой, жаждущей появления таких, как «Лам-анг». А потому за самый короткий срок стал одной из крупнейших агломераций мира, к середине века по размерам и величию обогнав многие столицы государств и Транснациональных Статусов.

Сорок лет Метро-Манила тянула ввысь частоколы небоскребов. Бесстыдно сбрасывала льняные национальные наряды, по последней моде обряжаясь в обтягивающую синтетику и корсеты. Почти полвека отворачивалась от престарелой родни, фольклора, детей и прошлого, раздвигала ноги перед белым человеком, отдавая ему дармовые комплекты, мигрантов, технологии и рабочую силу. Подарила даже понятие «бхикшу» – священный термин высшей степени посвящения, при достижении которой монахи живут исключительно на подаяния, – с особенным цинизмом взятое на вооружение главами высших корпоративных эшелонов. Отдавала богатства, будто чистейшее золото, обменянное на стеклянные бусы Кортеса. И только в последнее время вдруг помудрела. Поджала губы, привесила на пояс мачете, вспомнила о предках и гордости.

А затем битвы Статусов подлили масла в огонь...

Впрочем, «Лам-ангу», на зеркальной щеке которого болтался одинокий человек, было плевать на войны и конфликты. Небоскребный комплекс до сих пор ощущал себя сказочным всемогущим великаном, каковым и являлся. Еще в первой половине столетия он вырос во всех доступных измерениях. И замер с чувством выполненного долга, в глубине высокомерной азиатской души понимая, что именно благодаря великодушию ему подобных и держится экономика первого мира...

Он издавна хотел стать похожим на своих заокеанских собратьев. А потому торопливо обзавелся дорогими машинами, элегантными пристройками и мощной электронной начинкой; неугомонными соратобу, снующими вокруг нижних башен; собственными котировками, владельцами, совладельцами и якорными арендаторами. И, конечно, Статусами большеносых.

Разумеется, корпорации существовали в Азии задолго до появления ТрансСтатов. Однако их настоящий рассвет озарил восточное полушарие лишь с момента официальной трансформации Корпоративных Домов в полноценные status in statu⁷, промышленные государства без границ и монархов. Именно тогда Азия окончательно распахнула двери перед бледнокожими демонами, еще не представляя, к чему в итоге это приведет...

Данст не был расистом. Но азиатов не любил. И работать предпочитал там, где число фанатов хоккея превосходило число болельщиков сепактакрау⁸.

Причина неприязни крылась в том, что деловые вопросы, в Европе закрывавшиеся по отработанным со средних веков схемам, на родине грошовой компьютерной железки решались в разы жестче, непонятнее и совершенно бескомпромиссно. Особенно после того, как азиаты осознали, что вполне могут прожить без подачек белого чужака. Особенно после того, как сформировали первый собственный Статус, положив конец сразу нескольким местным вооруженным конфликтам. Особенно после того, как научились ограждать секреты перворожденного ТрансСтата от жадных бледнолицых, из партнеров превратившихся в конкурентов.

С тех пор очевидная нелогичность и дикость в решении деловых вопросов стали куда нагляднее. И еще жестче. Как и уровень конкуренции, для урегулирования которого западные саморуклоположенные бхикшу начали все чаще прибегать к услугам Шахматного Клуба...

Как, например, сейчас.

– Две минуты.

Треста шестидесяти футами ниже Доппельгангера смертоносно-притягательная Марго прошла идентификацию лучших поддельных документов, какие могла позволить себе группа...

Актуальное имя: Маргарита Ландау. Биологический возраст 32 года, женищина, европеоид, предположительно испанского происхождения. Доминирующий психотип: сангвиникатор, уравновешенна, хладнокровна. Специализация: ликвидатор. Дополнительные возможности: шпионаж, промышленный шпионаж, подрывная деятельность, яды. Биомплантаты: органы обоняния, детектор отравляющих веществ; механические усилители: половая система. Уровень подготовки: Альфа-I. В 12 лет прошла специальную подготовку в военном центре Транснационального Статуса «Спектраком». С 2055 года штатная пешка Статуса, отмечена при выполнении заданий по всему миру. 2066 год: Четвертая Мексиканская война. С 2067 года – свободная пешка. 2067 год: партии «Падение» и «Новое Падение» в ходе инцидента «Куст герани» в боевой группе Киллиана Финукейна. Имеет пять ранений. Общая оценка эффективности по совокупности показателей: 77 %.

...уверенно миновала первый контрольно-пропускной пункт, и на правах работника местного островного Статуса вошла в необходимый лифт № 14.

Мартин вздохнул, натягивая на лицо тонкую маску из умной полимерной ткани, способной остановить острый осколок или скользящее ранение. Сразу стало жарко, дыхание едва не сбилось, а температура под намордником мгновенно поднялась до 90 градусов⁹.

⁷ Государство в государстве (лат.)

⁸ Вид спорта, распространенный в Юго-Восточной Азии.

⁹ Более 30 градусов по Цельсию.

Доппельгангер покосился на наручный браслет, отмеряя последние мгновения перед стартом партии. Он в точности знал, что произойдет дальше...

Через сорок секунд в системе программного обеспечения лифтовых кабин случится странный сбой. Он внезапно поднимет четырнадцатый модуль вместе со случайно оказавшимися в нем пассажирами на тридцать седьмой этаж, отмеченный на планах комплекса небоскребов «Лам-анг», как статусная зона ограниченного доступа. Зона, снабженная необходимыми защитными системами и специальной службой охраны.

Еще через десять секунд, по, казалось бы, случайному стечению обстоятельств, из-под контроля выйдет вся система лифтового управления. Это позволит заблокировать перемещение кабин внутри центрального корпуса и обезопасит движение русского по шахте.

Начавшаяся паника в холлах будет усилена, когда вниз со ста шестидесятифутовой высоты на дно шахт неожиданно рухнут пара случайных лифтов. С неисправными, что удивительно, тормозными двигателями и поврежденными стопорами, отказавшимися подчиниться режиму общей блокировки.

На этажах ограниченного доступа незамедлительно включатся автоматизированные системы дополнительной безопасности. Они начнут сканирование схем жизнедеятельности небоскреба, просчет возможных сценариев проникновения и поиск потенциальных очагов угрозы. Одновременно подключившись к инфоспатиуму, так устроена система. Это, в свою очередь, откроет двери пенетраторскому клещу класса «сноуден», который будет загружен с метеорологического зонда, приземленного на крыше. Откроет двери к электронным базам службы охраны и внутреннему спатиуму комплекса, откуда произойдет слив данных...

Еще через двадцать секунд из офисов Природного Агентства в юго-восточном крыле «Лам-анга» выйдет Порханов. Лицо его будет скрыто пористой медицинской маской, что сегодня, в дни рецидивной волны аминотифа, никого не удивит. Русский сбросит комбинезон оператора-уборщика с расширенными полномочиями доступа. Затем заберет из отключенного мусоросжигателя черный армейский рюкзак со снаряжением. Один из четырех, прошлой ночью сброшенных на крышу здания управляемой капсулой с борта частного прогулочного конвертоплана, а затем перепрыганных подкупленным механиком климатических систем.

Как заверял продавший клеща пенетратор, в течение последующих тридцати секунд тот обнулит начинку замков на центральном входе необходимого этажа. Это позволит Марго в следующую минуту добраться до вспомогательного терминала охраны и деактивировать бронеплиты, закрывающие окна тридцать седьмого этажа.

О судьбе гражданских, застрявших в кабине № 14 с пешкой, Данст предпочитал не думать. Азиаты верят в фатум и карму, не так ли? Это будет хоть каким-то оправданием, если Ландау решит прибегнуть к летальным способам деактивации посторонних...

Тем временем русский должен преодолеть половину пятой шахты. У него будет не более минуты на задержку, прежде чем система лифтов снова начнет функционировать в аварийном режиме. К тому моменту, когда Порох достигнет нужного этажа, Мартин и Киллиан, еще утром проникшие в здание в составе туристических экскурсий, произведут зачистку уровня. Добравшись до Маргариты, укомплектуют ее снаряжением. Несколькими часами раньше проникшие на крышу и экипировавшиеся, они вот уже почти тридцать минут занимали свои акробатические позиции на стенах небоскреба, лишь изредка меняя позы, подправляя ремни, слинги и тросы, и нарушая эфир редкими кодовыми фразами.

Очнувшаяся система безопасности к этому времени заблокирует выходы и вызовет подкрепление. Но сомкнуть зафиксированные бронеплиты на окнах ей не удастся. Еще через полминуты, когда команда соберется у намеченной точки, пенсам останется только закончить чистку. Обнаружить и ликвидировать объект, покинуть здание.

Внимание батальона ЭНАКР¹⁰, ломающего проходы на этаж, в этот миг будет отвлечено взрывом бомбы на шестьдесят восьмом этаже. Ее в здание доставили с государственной почтой ранним утром.

Одна минута...

Мартин еще раз глубоко вздохнул. Представил, как на другой стороне небоскреба, подвешенный на тонких черных тросах, готовится к действиям вечно взведенный Киллиан.

Два человека, разделенные десятками метров бетона, стекла, брони, терминалов и пластика, синхронно взглянули на хронометры. Легко оттолкнулись от толстого оконного стекла, стравливая шнуры, и развернулись лицами вверх, перебросив на грудь снабженные глушителями винтовки. Развернулись секунда в секунду, хоть ни один из них не мог видеть в данный момент другого – точность и слаженность их действий поразила бы случайного наблюдателя. Потому что они были профессионалами – черными кошками Шахматных партий, героями современных комиксов, передач инфоспатиума и голографических блокбастеров, кумирами миллионов детей. Они были пешками, звонкими разменными пенсами – наемниками Статузов, промышленных концернов, шпионами, ликвидаторами и штурмовиками.

Отлично знающие цену каждому из своих отработанных движений в любой валюте, они умело и дорого продавались в войнах новой формации, пронзивших цивилизованный мир пяти континентов. И сейчас с удовольствием проявляли свои способности, прекрасно осознавая, что внутри нет силы, способной им помешать...

Планета давно избавилась от войн в привычном, устаревшем понимании этого слова. Подавленные экономическими гигантами государства все реже бросали в бой многочисленные армии и танковые дивизии. Еще пятнадцать лет назад – после завершения второго этапа глобализации и установки контроля над тающими ресурсами планеты, – на смену полевым сражениям и маневрам мотострелковых соединений окончательно пришли молниеносные схватки небольших команд. Войны за нефть и влияние окончательно сменились противостоянием брендов и логотипов, в пламени которого закалялись по-настоящему элитные бойцы. Общество потребления сделало свой выбор, отвернувшись от президентов и парламентов ради благодетельных корпораций, и Мартина этот поворот всецело устраивал...

Он взглянул в лицо звездам. Здесь, на высоте, небесные алмазы уже не выглядели блеклыми, какими виднелись из-под плотного покрывала смога. Пешка притерся к пуленепробиваемому стеклу окна рифлеными подошвами высоких ботинок, устроился поудобнее.

Тридцать секунд.

Глубоко внутри, колыхнув громаду тяжелой волнообразной вибрацией, пророкотали два взрыва.

На общем отрядном канале не прозвучит ни одного лишнего приказа. Каждый из них – отлаженный, словно швейцарские часы механизм, и без того прекрасно знал, что и когда нужно сделать. Каждый был идеальной машиной, уже не совсем человеком; оружием, умеющим без запинок выполнить полученную на брифинге команду.

Разумеется, будут потери гражданских. Главное, не перешагнуть установленный Клубом порог, не скатиться до уровня мясников-дилетантов. Когда команда покинет «Лам-анг», за ее спиной останутся покрошенные пулями люди. С виду невинные, живущие в ином пласте реальности. Потребители, ради которых и существуют Статусы. Члены миллиардного поголовья, ежедневно спешащего по повседневным делам, зарабатывающие на пропитание, жрущие и размножающиеся под сводами огромных бетонных скал.

Мартина их участь перестала волновать еще со времен Легиона. Потому что когда по миру движется обновляющая, могучая сила, кому-то обязательно предстоит пасть. Потому что таковыми стали законы новой природы, подчиненной себе человеком...

¹⁰ Экспедиционная Народная Армия Китайской Республики.

Доппельгангер верил, что этой силой – новой, дикой и могущественной, – были именно пешки. Живущие не по правилам, но по их обновлениям, официальная публикация которых еще не состоялась. Всегда на шаг впереди. Викинги, ландскнехты и флибустьеры XXI века. Новый класс воинов, под управлением Статусов взявших под контроль цивилизацию. Корпоративные наемники...

Сейчас они войдут, расчищая себе дорогу огнем, чтобы выполнить повседневную работу – найти и уничтожить приоритетный объект. Финально-блокированных в команде не будет – имитация партии на любых уровнях сложности прогнозировала лишь ранения различной степени тяжести, так что потери ожидают лишь тех, кто попытается им противостоять.

Броневаля плита за внешним слоем темного декоративного стекла лопнула. Практически бесшумно, едва слышно шипя скрытыми телескопическими пневмодвигателями. Трещина расколовшей ее улыбки становилась все шире и шире. Мартин оттолкнулся от окна, топя кнопку на браслете левого запястья.

Дюжина химических зарядов, установленных по периметру оконного проема, мгновенно зашипела, пережигая резьбу крепящих стеклянный лист болтов. Черный блестящий квадрат застонал. Надвинулся на Мартина, уже через мгновение сорвавшись с привычного места и скользя вниз, в пропасть раскинувшихся паутиной огней.

Данста маятником бросило к стене небоскреба. Пенс вытянулся в струну, с хода забрасывая ногу и ствол короткой винтовки в расширяющуюся щель броневых пластин. Одним движением отстегнул карабины тросов, на долю секунды зависнув в воздухе без страховки.

Ухватился за край плиты. Проскользнул внутрь, перескакивая через кадку с искусственным цветочным кустом. Свернулся в клубок, присел и занял стрелковую позицию, держа под прицелом пустынный коридор. Режим энергосбережения красил этаж в приятный размытый цвет, лишая необходимости пользоваться устройствами ночного видения. Двери офисов, расположенные по обеим стенам, мигали красными огоньками запертых на ночь замков.

На противоположной стороне здания в небоскреб Статуса сейчас совершенно так же проник Финукейн. Глубоко внутри, у лифтовых шахт, смягченные глушителями наверняка трещали автоматы службы безопасности, сформированной из пешек самого низкого пошиба.

Боевой терминал, встроенный в шлем, монотонно выставлял галки в сценарии партии. Если все шло по плану, Маргарита стремилась к пультам; через несколько секунд снова заработает система общей безопасности; русский должен быть на подходах к этажу.

Удерживая винтовку в одной руке, Мартин выдернул из-за спины телескопический домкрат из высокопрочного сплава, применявшегося в астронавтике. Матово-черный герсталевский «ФАЛ» хищно покачивался, грозно осматривая пустой коридор.

Доппельгангер поднес устройство к краю проема, мимолетно сверился с показателем встроенного гироскопа и наводчика. Утопил кнопку. Трубка щелкнула, раздвигаясь, и намертво вцепилась зажимами в края раздвинутых бронеплит. Ровно в этот момент в его огневой сектор сунулись двое охранников.

Не профессиональные стражи, скорее – сторожа. Может, набранные из бывших военных, может, отставных полицейских или бойцов ЭНАКР. Позволить себе элитное охранение могли далеко не все ТрансСтаты...

Тем не менее, бойцы двигались не бездумно. Системы уровня сообщили им о прорыве периметра, а потому в коридор напарники сунулись осторожно. Выставив винтовки, настороженно и пугливо. Вот только очень медленно...

Первый поймал пулю точно в лоб, на дюйм ниже козырька темно-синей каски с логотипом Статуса. Данст, даже не прибегнувший к помощи системы наведения, тут же двинулся вперед. Переключился на режим коротких очередей. За считанные секунды преодолел дистанцию в сорок футов, разделявшую его с охранниками и углом коридора.

Напарник убитого что-то вопил на себуано, сбрасывая в личный комспат¹¹ координаты прорыва. Он даже попытался дать случайную очередь, не предполагая, что противник уже совсем рядом. Мартин ударил ногой по стволу высунувшейся винтовки. Рывком оказался прямо над сторожем, на корточках застывшим возле труп товарища, и выстрелил тому в шею. Сменил магазин...

Доппельгангер двинулся вперед, сгруппировавшись и чуть согнув ноги в коленях, словно ходячая пружина. Ориентируясь по встроенной в забрало шлема электронной карте, миновал запертую химическую лабораторию и отдел контроля качества, на ночь опечатанные менеджерами Статуса.

В глубине этажа прострелотала винтовка Киллиана.

Мартин продолжал осторожное движение вперед, перемещаясь от угла к углу, от двери к двери. Слово черная тень, ходячий ожог, бесформенное пятно антиматерии на фоне пастельных и светло-зеленых стен корпоративного этажа. Над головами заработала сирена, переводя уровень на режим осады.

Как и предполагалось, большинство отделов были закрыты, что уменьшало вероятность встретить случайного гражданского. Отметив на тактической карте перемещение остальных пешек, четко следовавших графику, Данст достиг внутреннего поста охраны.

Крохотным тактическим зарядом с химической начинкой выжег электронный замок. Распахнул створку, терпеливо дождавшись, пока двое находящихся внутри безопасников опустошат автоматные магазины в пустой проем. Дал очередь на подавление, присел и выставил видеоразведчик из-за косяка. Оперативно оценив снимок, сделанный камерой шлема, тут же скользнул внутрь. Чтобы ликвидировать запершихся в блоке наблюдения бойцов, ему понадобилось одиннадцать секунд.

Первый погиб, не успев поднять головы. Выронил автомат, уткнувшись лицом в изогнутый пульт управления камерами, и с грохотом сполз на пол. На лице филиппинца, убитого вторым, застыло выражение крайнего удивления. Он словно до последнего не смог поверить, что кто-то рискнет войти внутрь под огнем, а его собственный бронежилет удерживает винтовочные пули совсем не так эффективно, как это гарантировали на инструктаже.

Мартин покинул центр наблюдения, оставив на дуге пульта стола брикет «импа» – электромагнитной гранаты с выставленным таймером. Через двадцать секунд, начисто лишённые координации через спатиум, охранники этажа начали разбиваться на пары и тройки, занимая глухую оборону и уже не пытаясь контратаковать.

Данст стянул тонкую маску, все же затруднявшую дыхание. И поймал себя на том, что широко улыбается. Краски обрели новый уровень яркости, запахи стали сочными и насыщенными, в висках стучало, а сознание ликовало в эйфорическом буйстве мыслей. Происходящее превратилось для него в набор мелькающих слайдов, цветных кристалликов калейдоскопа, складывающихся в причудливые узоры.

Он зачистил еще два поста охраны, начав на шесть секунд отставать от графика.

Словно прижимающая чешуйки змея, центральная башня «Лам-анга» взялась смыкать броневые плиты всех подконтрольных Статусу этажей. Через тактический спатиум сверившись с показателями телескопического фиксатора, Мартин убедился, что те с честью выдерживают нагрузку.

– Извне щиты пробить почти нереально, усекаешь? – предупредил пенетратор, несколько дней назад продавший Финукейну технические схемы комплекса. – Бронеплиты встанут в пазы, и ты-тю, не продавить. Усекаешь, да? Но успеть заблокировать приводы, отвечающие за закрытие, вполне реально, там механизм совсем не мощный...

¹¹ Командный спатиум.

Щелчки сменяемых магазинов сменялись короткими вскриками раненных. По полу брэнчали растворяющиеся гильзы, от которых уже поднимались тонкие султанчики едкого дыма. Завывала сирена. Из динамиков лилась запись на трех языках, настоятельно советовавшая сотрудникам Статуса сохранять спокойствие и оставаться на своих местах до прибытия бойцов службы безопасности.

Проблемой для Доппельгангера едва не стали следующие шестеро. Столы пропускных пунктов перед наиболее важными отсеками уровня умели трансформироваться в бронешиты, составляющие натуральный бруствер. Кроме того, эти шестеро заняли весьма недурные позиции, простреливая холл, лестницу на галерею и фронтовые подступы. Но они совершенно не ожидали, что противник уже зашел в тыл...

С Киллианом Мартин встретился через пятнадцать секунд, симметричными периферийными коридорами добравшись до центрального блока с равным отрывом от графика партии. Присев за колоннами, пешки проверили боезапас и обновили тактические данные группового спатиума.

За бронированными дверьми, хранящими бесценные сокровища вражеского Транснационального Статуса, уже готовилась к бою сотня боевиков. Блокировались отсеки с разработками, пальцы сторожей дрожали на кнопках сброса химических смесей – в случае прорыва они должны затопить герметичные камеры, где день за днем трудятся высоколобые. Шипели сварочные контейнеры, намертво спаивая поршневые детали раздвижных дверей – теперь запершихся в корпоративной цитадели могли извлечь только с применением серьезной строительной техники.

– Цена промышленных секретов, – хохотнул ирландец. Он сидел за колонной, выставив из-за угла портативную камеру, и рассматривал холл, разделяющий ворота и пешек, на экране снятого шлема. – Надеюсь, парни запаслись консервами...

В коридоре показался Порох, занимая позицию за свободной колонной. Чуть позже к мужчинам присоединилась Марго. Взведенная до предела, оттого еще более привлекательная. Ее деловой костюм сотрудницы Статуса был щедро заляпан чужой кровью.

Через секунду на всем уровне отключили свет, погрузив лабиринты «Лам-анга» в непроглядную тьму. Сирена тоже смолкла. Финукейн рассмеялся, надевая шлем. Ландау фыркнула, отбрасывая компактную табельную «Беретту», отобранную у одного из охранников.

Группа убралась из-за колонн, предоставив запершимся томиться в тревожном ожидании. Оказавшись в безопасности коридора, Марго забрала у Киллиана дополнительный рюкзак и начала торопливо переодеваться.

– Две минуты, – сообщил Порох.

Он старался держаться бочком, но командир все же заметил. Даже через электронные окуляры. А может быть, русского пенса выдали изменившиеся показатели физического состояния, передаваемые в отрядный спатиум.

– Подставился, гаденыш? – с отцовской заботой спросил Финукейн, но Мартин расслышал в его голосе хорошо скрываемое недовольство.

– Все в норме, командир, я уже запенился... – начал оправдываться тот.

– Оставь его, Киллиан, – не переставая втискиваться в армированный комбинезон, бросила Марго. – Это моя промашка, Алекс ни при чем... – Спрятала короткие темные волосы под шлемом, набросила на плечи разгрузочный жилет. – Пора заканчивать...

Мартин в диалог не вступал, наблюдал за пулеметными гнездами по бокам от центрального входа в цитадель. Когда Порох приблизился, чтобы тоже оценить обстановку, и вовсе сделал вид, что не слышал разговора. Еще во время «Куста герани» ирландец показал, насколько нетерпимым бывает, когда один из его людей получает нелепое ранение.

– Да перестань, Марго, не выгораживай... – Алексей махнул рукой...

Актуальное имя: Алексей «Порох» Порханов. Биологический возраст 28 лет, мужчина, европеоид, предположительно русского происхождения. Доминирующий психотип: холеричен, пассивно-агрессивен, раздражителен. Специализация: снайпер. Дополнительные возможности: взлом механических средств защиты, средства маскировки, метательное оружие. Биомплантаты: отсутствуют; механические усилители: плечевые суставы, бюджетная замена по ранению. Уровень подготовки: Гамма-V. С 2058 по 2062 год: штурмовые части особого назначения Вооруженных Сил Российской Федерации, принимал участие в обороне Шикотана и Кунашира, представлен к государственной награде. 2063 год: выполнение специального заказа российского ТрансСтата «Пересвет». С 2065 года участвовал в двух войнах Статусов на территории Альянса в боевых группах Киллиана Финукейна. Имеет четыре ранения. Общая оценка эффективности по совокупности показателей: 72 %.

...и демонстративно постучал себя по правому боку, вспоротому пулей. Между пластинами черного комбинезона виднелись желтые хлопья засохшего антисептического геля, перемазанные засохшей багряной коркой.

– Тут моей крови-то почти и нет, нечего паниковать... – Он сжал пальцы на любимом сменном прикладе, усеянном множеством насечек. Словно верующий – на религиозном символе в поисках высшей поддержки. – Командир, зуб даю, все нормально!

– Зуб? – Киллиан недобро усмехнулся, что становилось понятно даже через опущенное забрало. – На кой мне твой зуб, tovarisch? На кой ты мне сам, если какой-то косоглазый пенс в отставке умудряется в тебе дырку провертеть?

– Остынь, Киллиан, – снова вступилась девушка. – Говорю тебе, его задели по моей вине.

Она аккуратно присоединила магазин к полученной винтовке, щелкнула затвором. Ирландец замер, словно взвешивая и решая, а затем тяжело вздохнул. Так, словно Маргарита только что вырвала из его рук желанную добычу.

– По какому сценарию уходим?

– Надеюсь, по-тихому... – неохотно ответил Финукейн, но тему все же сменил. В руках Марго он умел становиться удивительно послушным и не столь взрывоопасным. – Приступаем ко второй фазе. Ты готова?

Ландау пристегнула винтовочные слинги к зацепам на костюме, молча кивнув.

– Доппи, за мной, вызывай Аметиста. Уходим через южную точку...

– Продолжаем танец, – улыбнулся Мартин. Иногда у них с ирландцем весьма неплохо получалось находить общий язык.

– Выдвигаемся.

– «Небесный шторм», прием, это «Паразит-2». – Данст соединился с пилотом. – Эджиде, мы начинаем вторую фазу, южная стена, начинай.

Группа растянулась цепью, устремившись в один из коридоров этажа. Напоследок Финукейн не удержался от любимого театрального жеста – замер перед камерой, отрезанной от инфоспатиума, но исправной, и снял с головы воображаемую шляпу. Он действительно считал, что попадет на плакаты и календари, которыми подростки оклеивают комнаты, и немного позерства не помешает. Считал, что лишенный тщеславия пенс, все равно что пират в грязном и засаленном камзоле...

– Предполагаемые цели? – уточнила Марго.

– Семь, – командир группы сверился с уточненными данными аналитической программы.

Они шагали по опустошенному уровню небоскреба, шурша подошвами по гладкому полу и разглядывая мир сквозь электронные прицелы винтовок. Черные в окружающей мгле, как рыбы, попавшие в родную стихию. Доппельгангер прикрывал лидера, находясь чуть позади и правее.

– «Паразиты», это четверка. – Порох остался прикрывать спины, контролируя вход в цитадельный блок. В сердце Статуса, все еще готовящееся к штурму. Которого не будет. – Пока все чисто.

– Принято, «Паразит-4». – Мартин остановился перед двустворчатыми дверьми в жилые отсеки. – Держать позицию.

Киллиан приблизился, устанавливая сразу два заряда – импульсный на замок, и термический на центр, где предположительно разместился железный засов. Данст сместился направо.

– Блокируемся.

Группа разом активировала электронные системы боевых костюмов, защищающие от направленного электроудара, временно ослепнув и оглохнув.

– Три, – прошептал ирландец. – Два, один...

Импульсная граната лопнула, взбалтывая цифровые мозги запирающей системы: удар отсек устройство от источника питания, подключая ложный, тут же давший команду на открытие. Следом взорвалась химическая, почти бездымно высверлив в створке овальную дыру. Послышался звон опадающих деталей засова. Возвращаясь в тактический спатиум, Киллиан одновременно бросил внутрь шоковый заряд «Горгона».

Хлопок был оглушительным, а затем из отверстия в коридор ударил слепящий луч желтого света. Дав две подавляющие очереди, пешки ринулись внутрь. Вновь заработавшие электронные мозги шлемов подсказали наиболее надежные укрытия, за которыми спрятались вражеские бойцы.

По ним открыли ответный огонь, но тут цикличная «Горгона» выдала дублирующий взрыв дополнительного контейнера. Ставший, как и ожидалось, абсолютным сюрпризом для запершихся внутри безопасников...

Разрядив магазин «ФАЛа» по зафиксированным системой наведения целям, Мартин опустил винтовку на грудь. Световой фильтр, с легким запозданием покрывший забрало шлема, растворился, позволяя своими глазами оценить картину боя.

Не тратя времени на перезарядку, Данст вынул пистолет и приставным шагом двинулся вперед. Миновал кухонную зону, отсек для игр и прочих развлечений, осторожно вступил в казарменный вида комнату, вдоль стен которой стояли четыре кровати. За его спиной шелкала винтовка Киллиана, тот зачищал уцелевших охранников.

Объекты обнаружались в углу жилого помещения.

Сбились в кучку, беспомощно всматриваясь в темноту. Перед ними, загорая ученым сторожевым псом, раскорячился стражник. Без шлема и бронежилета, вооруженный одним пистолетом, он расставил руки, будто пытался не позволить ожившей темноте выхватить и утащить одного из своих подопечных.

Когда на полу скрипнула подошва, он выстрелил наугад. Всего раз, после чего Доппельгангер прицелился и прострелил ему правое плечо. Со стоном филиппинец выронил оружие, рухнул на колени, а перепуганные гражданские за его спиной взвыли, еще сильнее вжимаясь в угол. Они были одеты в одинаковые пижамы со значками Статуса, у одного рот был перепачкан зубной пастой – штурм застал ученых перед отходом ко сну...

– Это «Паразит-2», – негромко сообщил Мартин, продолжая целиться в гражданских, – у меня чисто. Визуальный контакт с объектом подтверждаю.

– «Лидер» входит.

Из-за плеча появился ирландец, словно оживший фрагмент мрака. Сменил пистолетный магазин, затем винтовочный. Неодобрительно покосился на раненого, постанывающего на полу. Кивнул.

– Это «Паразит-3», – пронеслось по внутреннему спатиуму группы, – птица ждет, время утекает.

– Все по графику, – Финукейна потряхивало в боевой горячке, – почти закончили...

Ученые, до смешного включенные и по-детски перепуганные, продолжали всматриваться в темноту, пытаясь угадать, что за напасть свалилась на их головы. Тот, у кого рот был перемазан белым, догадался раньше других – сложил ладони и начал молиться. Остальные все еще пучили глаза. Один опустил на колени, пытаясь понять причину стонов охранника и хотя бы на ощупь зажать его рану скомканной пижамной курткой.

– Профессор Саркофф? – Киллиан сделал шаг вперед и открыл забрало. – Пожалуйста, идите на мой голос.

Саркофф вздрогнул. Наверное, так повел бы себя любой, кого призвала бы подступившая тьма, назвав по имени. Профессора Калигдонг, Портненко и Тан – их Мартин тоже знал по ежедневным брифингам перед партией, – вскинули головы. Украинец, пытавшийся остановить кровь, отшатнулся, ударившись о край кровати. Объект партии, сглотнув комок, неспешно пригладил седые волосы. Его длинный щетинистый подбородок предательски задрожал, но он смог выдавить:

– Вы обращаетесь ко мне?

– Я точно знаю, что здесь нет второго профессора Саркофф, – с гадкой улыбкой, которую Мартин не переносил на дух, ответил ирландец. – Сделайте два шага вперед. Осторожнее, не споткнитесь...

Однако ученый Статуса остался на прежнем месте. Более того – стоящие по соседству Тан и Калигдонг даже вцепились в его пижаму, умоляя не подчиниться.

– Лидер группы подтверждает обнаружение объекта, – Киллиан поднял винтовку. – Саркофф, умоляю, хватит ребячеств...

Высоколобые действительно напоминали состарившихся детей – перепуганные, одетые в одинаковые нелепые наряды, худые и ослепленные; их словно застали врасплох во время не очень правильной игры. Это напугало людей, обозлило, заставило держаться друг друга. И, конечно же, оправдываться.

– Вы не имеете права так со мной обращаться... – просипел Саркофф. – Мой Статус не позволит, чтобы это сошло вам с рук... Уверен, мы можем прийти к взаимовыгодному...

Киллиан наклонил голову на бок, недовольно нахмурился.

– Если вы настаиваете, Саркофф, я не стану отбирать горох от проса. – Ирландец пожал плечами и прицелился. Тонкий красный луч уперся в четырехглавое, переплетенное меж собой существо, погружившееся в пучину смертельного страха. Оно тряслось, не позволяя выхватить лицо Саркофф. – Господа, в своей смерти прошу винить вашего коллегу...

Палец Киллиана уже лег на спусковой крючок, когда Мартин сделал шаг вперед. Отключился от канала, чтобы не слышали другие. Со щелчком вскинул забрало, заглядывая командиру в лицо.

– Ты что творишь? – прошептал он, заставив ученых снова вздрогнуть. – Нельзя блокировать *всех*!

Перламутрово-серые глаза Финукейна под узким ободком ПНВ¹² превратились в крохотные щелки. Щеки изменили цвет, когда к лицу прилила кровь.

– Доппи, – прошипел он, смещаясь в сторону, – немедленно освободи линию огня...

¹² Прибор ночного видения.

Мартин повторил движение командира. Четверо гражданских, пытавшихся разобрать, о чем шепчется тьма, были готовы вот-вот потерять сознание. Саркофф побелел, как накрахмаленная простыня. Тем не менее, ученые все еще держались кучей, будто скованные цепью защитники амазонских деревьев, ошалелые, но неотступные перед надвигающимися бульдозерами...

– Ликвидация остальных разработчиков не входит в задачу партии, – одними губами произнес Доппельгангер, подняв левую руку так, чтобы ладонь находилась перед стволом командирской винтовки. – Никаких бонусов, одна единственная цель.

– «Паразит-2», вернуться на позицию! – ирландец старался говорить тихо, чтобы не разобрали сбившиеся в стайку работники Статуса. Но Данст чувствовал, как того переполняет закипающая ярость. – Ты ворующь наше время, ублюдок... Покинуть линию огня!

И сместился еще правее, упираясь в спинку ближайшей кровати.

Мартин повторил его движение. В животе вдруг стало жарко, будто монета все еще оставалась в желудке, а теперь внезапно сменила температуру и собралась прожечь человека насквозь.

– Одна цель! – словно заведенный, сказал он как можно спокойнее. – «Лидер», не нужно... Ты знаешь, мне плевать на ценность человеческой жизни, как и тебе. Но нет гарантии, что через месяц мы не станем работать на данный ТрансСтат. Эти ученые – крупные фигуры в игре Статусов, где найдется место и нам. Ликвидировать их всех – ошибка!

– Отставить, «Паразит-2»! Это моя партия, и я доведу ее до конца, – почти в голос выпалил Финукейн, яростно вращая глазами. – Только из уважения к нашему боевому прошлому не стану стрелять сквозь твою руку. Но если ты немедленно не сойдешь с линии...

– Это «Паразит-3», – невольно вмешалась Марго, чей обеспокоенный голос было слышно сквозь наушники ирландца. – Пора паковать чемоданы...

– «Паразит-4», «Паразит-3», – застывший камнем Киллиан не отрывал взгляда от Мартина, – приказываю отходить к точке выхода. «Паразит-2», приказ тот же.

– Ты рехнулся...

Данст покосился на ученых, с дрожью ожидающих приговора. Людей, которым не повезло. Сначала – оказаться на стороне не того Транснационального Статуса; затем – принять участие в его долгосрочном проекте; еще чуть позже – встать на пути Киллиана Финукейна и не потерять остатков человечности, своими телами закрывая коллегу. Доппельгангер вздохнул, закрывая шлем и активируя канал связи.

– Спятивший сукин сын... «Паразит-2» приказ подтверждает. Направляюсь к точке выхода.

– *Ní mórán thú!*¹³ – сквозь зубы сплюнул Финукейн ему вслед, тоже опуская лицевой щиток.

Закричали люди. Может быть, сам профессор морфобиологии Саркофф. Может быть, все разом. Треск винтовочной очереди заставил Мартина вздрогнуть. Впервые за долгие годы работы.

Киллиан заменил опустевший магазин. Подступил к объекту, старательно фотографируя трупы, и рванулся к выходу.

– «Паразиты», это «Лидер», задание выполнено...

Высокоуровневый соратобу класса «Пиноккио», покрытый хамелеоновым напылением, тяжело отлип от заблокированного Финукейном оконного проема. Сидевший за штурвалом Аметист на всякий случай отстрелил в небо несколько кассет с тепловыми и радиоэлектронными ловушками, и перешел в режим энергосберегающего планирования. Уже на ходу задрив

¹³ Ты ничтожество (ирл.)

створку за скользнувшим в ее брюхо ирландцем, машина рухнула в лабиринты бетонных джунглей Метро-Манилы.

Нью-Йорк 19 декабря 2068 года 11-20 минут

– Десятирукий Будда! – многозначительно протянул Бенджамин Молтон, приподнимая в сторону Мартина дымящуюся чашечку. – Доппельгангер, мальчик мой, а ведь ты был трижды прав, наконец-то заманив меня в эту дыру! По-настоящему хороший кофе... – Он с удовольствием приложился к горячему напитку. – Я, да подтвердит Похудевший Ганеша, не пил такого уже лет тридцать!

Мартин вежливо улыбнулся.

Поверх плеча поверенного аккуратно кивнул коротконогому Лучано Черепахе – хозяину крохотной кофейни, тут же расплывшемуся в довольной ухмылке. Дыра, как только что озвучил агент, действительно была пропашая. Ни красивой вывески, ни парковки для соратобу, ни меню. Кормили гадко, чужакам хамили, туристов не пускали на порог.

Потому что на деле «Черепашня Бухта» только прикидывалась семейным кафе с полувековой историей, в действительности являясь игорным домом и букмекерской конторой. Не совсем легальными, нужно понимать. Однако кофе для *своих* тут варили вправду замечательный, насыщенный и ароматный. Какими путями скромный жулик вроде Лучано умудрялся доставать натуральные зерна, Данст мог только гадать. Впрочем, он давно привык, что вещи и люди современного мира являются совсем не тем, чем кажутся с первого взгляда...

Хозяин тесного заведения на пересечении Брум и Элизабет одобрительно покивал. И даже показал гостям кольцо из сложенных пальцев. Он не знал в точности, чем занимается Данст, время от времени встречающийся с незнакомцами за одним и тем же столиком его забегаловки. Но слухи – словно словесные крысы, столь же вездесущи и незаметны. А потому чужака не трогали даже Изотопные Гидо¹⁴, шумно обсуждавшие деловые вопросы в углах заведения. Да и чаевые Мартин оставлял такие, что грех жаловаться...

Определенно польщенный реакцией крепкого пожилого мужчины, беседовавшего с Доппельгангером, Лучано еще раз кивнул и утопал в подсобные помещения. За толстыми панорамными стеклами гудела улица большого города. Надрывалась клаксонами, спешила, возмущалась с национальной горячностью и беспрестанно зарабатывала деньги. Несмотря на то, что столик Данста располагался у самого окна, в шторах или жалюзи нужды не было никакой – растрескавшееся стекло не мыли так давно, что оно покрылось непрошибаемой пленкой копоти и пыли. Впрочем, Мартин бы не удивился, если бы узнал, что этот налет – лишь специальный реагент, блокирующий дистанционную прослушку единственного зала кофейни...

Бенджи повертел чашечку в толстых пальцах. В его огромных ладонях она казалась игрушечной, готовой лопнуть от одного неловкого нажатия. Агент поставил ее на блюдце и причмокнул губами. Его морщинистое лицо поблескивало от потеков отражающего лака – самой распространенной и недорогой дряни для обмана уличных физиосканов.

– Когда все эти мерзкие синтетические заменители едва-едва начали завоевывать мировой рынок, моя матушка... успокой Иисус-Карающий ее душу... так вот, она одной из первых поняла, что к чему, – многозначительно сообщил Молтон, глядя в гущу. – И запаслась тремя мешками самого настоящего, отборного бразильского кофе.

На его широкое, иссеченное шрамами лицо падали лучи тусклого декабрьского солнца. Он прикрыл глаза, отдавшись приятным воспоминаниям. Внутри было тепло, даже жарко, и

¹⁴ Плейбой, мачо. Стиль одежды, возникший в «маленьких Италиях».

Бенджамин расстегнул короткую армейскую куртку, которую всегда носил под пальто. Армированную куртку, насколько было известно работавшим с ним пешкам.

– До самой кончины она варила этот кофе, мальчик мой. И ничего вкуснее в жизни, Однорукий Кришна тому свидетель, я так и не попробовал. Но! – Он вдруг подался вперед, поднимая к низкому потолку указательный палец. Тот был затянут в перчатку, скрывавшую недорогой кистевой протез. – То, что варит твой кривоногий приятель, очень похоже на то, что когда-то готовила она...

– Если вспомнишь, я много раз предлагал провести встречу именно тут.

– Помню, помню...

Мимо кофейни проносились грузовые машины и соратобу, переоборудованные в колесный вариант кузова. Безликими тенями по тротуарам спешили местные – вечно суетливые, вороватые и надменные в равной степени. Густое варево биологической массы, говорящего компоста, на раздавленных надеждах которого строились Статусы.

Кондиционные фильтры в дверях и над окнами «Бухты» не справлялись. Выхлопы синтетического горючего, изготовленного из мусора, опилок и угля, запахом напоминали конский навоз. Проникая внутрь, они смешивались с ароматами готовящейся пасты, отчего внутри стоял дух настолько плотный и необычный, что от него щипало глаза.

– Значит, здесь можно *говорить*? – наконец перешел к делу агент, откидываясь на ротанговую спинку высокого стула.

Спросил легко и непринужденно, но его взгляд продолжал ощупывать узкое тесное помещение.

Отмечал наличие запасных выходов и потайных дверей. Количество оружия у стайки молодых гидо. Те оккупировали угловые столы и оживленно наблюдали за хоккейным матчем на экране мобикомпа – шел очередной этап Мирового Трансконтинентального Чемпионата Статусов. Двое молодых принадлежали к неохумам, о чем недвусмысленно заявляли вызывающие татуировки, неприкрытые кибер-протезы и гигантские «тоннели» в щеках, через которые было видно модифицированные языки.

– *Своим* я для них не стану никогда, – честно ответил Данст. – Но когда-то оказал хозяину небольшую услугу. И потому меня принимают. Без вопросов и не помня лица. Здесь я даже не опасаясь, что с чашки или ложки снимут мой отпечаток или ДНК.

– Ну что ж... славно... – Бенджи покивал, потирая квадратный подбородок пальцами здоровой руки. – Тогда, полагаю, за кофе заплатишь ты.

Он улыбнулся, но Мартин уже задавал новый вопрос:

– Ты что-то нашел?

Вопрос, по сути, был риторическим. Потому что если бы Молтон не обнаружил ничего интересного, то снова – как два дня назад, – перенес бы встречу. Посоветовал бы прижать задницу к дивану и ждать, пока он не сможет лучшим образом сыграть на росте котировок.

– Мой мальчик, – с укором протянул тот. – Ты ужасный человек. Только твоему старому другу стало по-настоящему хорошо... только он вспомнил молодость и вкус бразильских зерен... так ты, пусть поразит меня Огненноглазый Вишну, если я не прав, тут же лезешь в душу и не даешь насладиться моментом...

Мартин вздохнул, делая глоток. Отставил чашку, положил руки на стол перед собой, похожий на прилежного ученика, ожидающего продолжения урока.

– Значит, все дело в кофе, – констатировал он. – Допиваем и расходимся, я верно понял своего старого друга?

– Вот зачем ты так? – тот комично нахмурился, что не совсем вязалось с медвежьей внешностью и седыми бровями. – Пожалуй, если покопаться на задворках памяти, я смогу поведать тебе пару любопытных новостей...

– Как обычно, я весь внимание, – одними губами улыбнулся Доппельгангер.

– В самую точку, мой мальчик! Терпение – старшая из добродетелей, как сказал бы Змееголовый Бодхисатва...

Молтон пригладил редющие волосы пальцами кибернетического протеза, привычно бросив короткий настороженный взгляд по сторонам. Полдюжины гида, болеющих за любимую команду, разразились дробленой цветастой бранью, половины тирад которой чужак понять бы не смог.

– За кофе вправду спасибо. – Бенджи поерзал на стуле, чуть не развалив конструкцию. – Пожалуй, я вскоре найду, чем тебе за него отплатить...

Теперь Данст улыбнулся искренне и широко. Значит, тактика выжидания все же принесла свои плоды. Даже без разбирательств со специальной комиссией, без отчетов и дачи показаний Шахматному Комитету. Его шишки сделали выводы. Акции возросли в цене, котировки повысились. Вероятно, в начале следующего года он получит новую строчку в репутационный лист...

Нетерпение ушло, плечи пешки облегченно поникли.

Бенджамин Молтон мог совершенно не разбираться в современной религии. Мог жить с двумя стареющими тайскими проститутками. Мог хлестать водку, пригодную лишь для промывки пластиковых панелей. Мог любить новаторскую живопись, больше напоминавшую последствия поноса. Мог сквернословить, богохульствовать и сутками кутить, наплевав на сжирающий его рак. Но он имел просто феноменальное чутье на выгодные партии, а потому Мартин и не думал обижаться на его скверный характер. Иногда Доппельгангер даже задумывался, что в день, когда кадет Молтон уплыл лить кровь в пески арабских фронтов, фондовые рынки потеряли одного из самых перспективных брокеров...

– Однако... – тот прищурился, явно что-то затевая. – Прежде чем ты задуешь свечи на торте, позволь спросить: я уже говорил тебе, что полновесный командующий не имеет права вербоваться рядовой штурмовой пешкой? Даже если речь идет о старом знакомом. Друге. Боевом товарище. Даже за повышенную ставку. Не припоминаешь такого?

– Говорил. – Улыбка Мартина померкла, став такой же прозрачной, как зимний свет за окном.

– А, верно, задери меня Просветленная Мария... – Бенджи легонько хлопнул себя по лбу, будто бы сокрушаясь над оплошностью. – Только вот не помню, что ты мне ответил... Постой! Кажется, ты сказал, что хочешь скатиться в списки середнячков... осесть рядовым гарнизонным пенсом в Статусе нефтяных князьков Единой Исламской Республики. Я ничего не путаю?

Эту реплику Данст оставил без внимания. Ему не терпелось узнать новости, но подгонять поверенного он бы не посмел. Особенно, когда тот вполне законно злился. Так может злиться тренер, узнавший, что его лучший квотербек внезапно оставляет карьеру и возвращается играть за университетский клуб...

– Мы ничего не потеряли, – как можно мягче и спокойнее произнес он. – После случившегося в Метро-Маниле комитетчики даже не обратили внимания на мою роль в партии. А вот число наших сторонников после выходки Финукейна резко возросло... Поправь меня, если ошибаюсь...

– Конечно нет, мой мальчик. – Седовласый пожал плечами. – Твой бывший приятель угодил в место, где у людей сходятся ноги. Однако сдаваться не собирается ни он, ни его поверенные. Засуетились, забегали. Все же хороший послужной список трудно раздавить одной изнасилованной овцой...

– Он приступил к поискам работы?

– Почти сразу. Мечтает вернуться в строй и доказать, что устранение четверых фигур не было прямым нарушением условий. С учетом устраненных фамилий, это будет непросто... Особенно – Портненко. Пока рейтинги всей группы заморожены. Однако я смог узнать, что

агент ирландца еще до вылета на Филиппины держал на крючке кое-кого из высших эшелонов «Конро». Теперь подсекает, стараясь не порвать леску. Может быть, даже справится...

Лицо Мартина не дрогнуло, хотя внутри зазвенела неприятная струнка. Сыграла первые аккорды опасения, зависти и тревоги. Пенс недовольно покосился на гидо, взорвавшихся новым залпом импульсивной брани, и потянулся за чашечкой.

– Он *мог* выцелить объект. В эпоху, когда орбитальная ракета способна поразить человека в толпе демонстрантов с точностью до метра, он предпочел устроить кровавую баню. Я не мог знать, что изменилось в голове Киллиана за последние годы.

– Верно, мой мальчик. – Бенджи согласно кивнул. – Такого не может знать никто... В이니шь себя?

– Только если просчет скажется на котировках и контрактах.

– А вот тут доверься мне. – Молтон дернул уголком рта, нацелив на Мартина черный неживой палец. – Я когда-то тебя подводил, мой мальчик?

– Анкоридж. – Доппельгангер пожал плечами и уставился в потолок, припоминая. – Мисурата...

– Ладно-ладно, не считая этих досадных недоразумений – никогда.

– Вернемся к делу?

– Уже вернулись, раздери тебя Треххвостый Рама! – Поверенный недовольно вздохнул, заворочался на стуле. Допил остывший кофе, похрустев случайно попавшей в рот коричневой гущей. – Варианта два. Первый: увести контракт из-под носа одного известного тебе ирландца. Сесть на нудное и рискованное охранение одного европейского депозита. Пока без деталей. Платят достойно, но не за пределами, что и смущает. А еще: даже самая мелочная месть в нашем деле – лишний багаж, ты ведь знаешь об этом, мой мальчик?

– Знаю. Второй вариант?

– Не гони лошадей. Второй вариант еще в проработке, но если торг пройдет успешно, мы оба останемся в самой сладкой карамели, какую только можно сварить. Поэтому... – Бенджи предупреждающе поднял ладонь, не позволяя себя перебить, – я все же вступил в переговоры с менеджерами «Конро». Но лишь для того, чтобы продолжать поднимать ставки. Тебя устраивает такая тактика?

– Более чем. – Мартин кивнул, взвешивая полученную информацию.

– Потерпи. Финукейн, конечно, заблевал нам коври. Но ты прав, мы еще обернем ситуацию себе на пользу. – Агент подмигнул. – Окончательные переговоры состоятся следующей ночью.

Данст снова кивнул и полез за бумажником.

– Спасибо за кофе, мальчик мой. – Молтон встал, снимая пальто со спинки стула. – Послезавтра я выйду с тобой на связь. Через клоповник, конечно же. Если правление даст положительный ответ, обсудим детали. Если отрицательный – рассмотрим иные, менее интересные варианты.

– А может, еще раз здесь? – Дансту отчаянно не хотелось вновь тащиться в грязный дешевый мотель. – Я снова угощаю...

– Меня не будет в городе, – мягко отрезал поверенный. Набросил пальто, натянул меховую шапку, такую же седую, как и его родная шевелюра. Пробурчал через плотную синтешерьсть медицинской маски: – Передай хозяину комплимент.

– Передам.

Не прощаясь, Бенджамин Молтон покинул кафе. Необычно плавно и бесшумно для своего возраста и комплекции. В приоткрытую им дверь тут же ворвался запах гари, уличный шум и грохот. Мартин отсчитал купюры, подкладывая под блюдце, и тоже поднялся на ноги.

Реймс 21 декабря 2068 года 15-10

Труп остался в подворотне улицы Белен, и Киллиан даже не потрудился спрятать тело за мусорные баки.

Старый Город сверкал и веселился, всей душой готовясь к предстоящим праздникам Религиозной Терпимости. Город делал вид, что не подозревает, что на его старинных тихих улицах выслеживают и убивают друг друга люди.

Ирландец неторопливо вывернул на Дюрюй. Осмотрелся, растворился в потоках туристов, предпразднично-веселых и беззаботных. Вынул из кармана пачку, размял в пальцах сигарету с таббабинолом, закурил. Несколько минут постоял на перекрестке, стараясь не попадать в объективы полицейских камер. Затем подтянул выправившийся из-под пальто шарф и свернул на юг по Полен Парижу...

Десять минут назад он покинул магазин с антикварными швейными машинами. Заманил одинокого наблюдателя в тихое место, устранив быстро и безболезненно. Правда, слегка потянул кисть правой руки, теперь вынужденный болезненно растирать запястье. Однако – что не удивляло, – короткая схватка даже подняла ему настроение, сбросив с души серую зимнюю хмарь. Кроме того, он обязательно использует произошедшее в беседе с Дрейфусом. Потому что если молодые некотируемые пешки идут на риск подправить собственную репутацию на его устранении, он все еще находится в центре обсуждений Комитета. А реклама никогда не бывает лишней...

Он улыбнулся. Вспомнил, как сам еще совсем недавно наивно полагал, что сможет перехватить контракт, устранив подрядившегося пешку. А еще улыбка была вызвана тем, что Финукейн, уже больше суток не ступавший на виртуальные земли инфоспатиума, получил окончательное подтверждение, что Шлейзинг закрыл сделку.

Навстречу прошли две девушки, чьи лица по последней моде были почти скрыты высокими стоячими воротниками. Киллиан подмигнул им, прекрасно понимая, какое впечатление производит – высокий, огненно-рыжий, статный и широкоплечий. Девушки захихикали, отгораживаясь воротниками, и заворковали на арабском. Проводив их голодным взглядом, ирландец докурил сигарету, выбрасывая фильтр под колеса автоматизированного уличного уборщика. Если бы не предстоящая встреча, он бы обязательно склеил обеих...

Нож, отобранный у убитого, оттягивал карман. Хороший, армейский, выполненный из сплавов, не фиксируемых полицейскими сканерами. Вероятнее всего, мертвой пешке его подарил наставник. Перед тем, как выпустить в одиночное плавание, где вознаграждение сопоставимо с риском. Увы, безмянный боец никогда не узнает, кто отнял жизнь и сувенир у его воспитанника...

Киллиан обожал такие схватки. Мимолетные, внезапные. Предшествующие настоящей битве, в которой сойдутся профессионалы. Они будоражили и кипятили кровь. Они давали понять, что ты снова в игре.

Возле крохотного лотка по продаже зонтов боязливо курили в кулаки трое подростков – двое парней и девчонка. Самый рослый и обритый наголо носил разноцветные колготки-шоссы, выдававшие принадлежность к националистическим бандам.

Зато двое других к задорной радости Финукейна оказались новомодно разодетыми в узнаваемую одежду «шахматного» образца – на локтях и коленях плотные псевдобронированные накладки, швы плотные и яркие, каждая деталь плотно подогнана по фигуре, на ногах удобные высокие ботинки в армейском стиле. На бедрах – чехлы мобикомпов, формой напо-

минающие пистолетные кобуры. Воротники черных курток копировали горжеты «Кирасиров», на груди белели дерзкие шевроны с именами самых известных корпоративных наемников, когда-либо попадавших в поле зрения СМИ.

Люди во все времена любили подражать своим героям. Любили создавать яркий, узнаваемый, нарицательный образ, и не столь уж важно, чей именно – космонавта, доброго доктора, фокусника, всесильного персонажа комиксов или кровожадной пешки. В особенной степени такому поветрию всегда податливы дети, оклеивающие свои комнаты голографическими плакатами с изображениями кумиров.

Рыжий вдруг улыбнулся, кивнув молодым людям.

Те заметили. Ответили презрительными, нарочито-тяжелыми взглядами, и даже сигареты стали держать на виду, с откровенным вызовом. В их глазах неприметный мужчина был лишь частью убогого блеклого мира, где даже одеваться со вкусом не умеют. Они же, когда вырастут, обязательно бросят *вызов* – системе, запретам, низкой зарплате, серости дней, необходимости растить детей, любым законам и правилам. Создадут свои законы, достойные мечтателей. Рискнут, взявшись за оружие ради интересов таинственных бхикшу, управляющих миром...

Киллиан вздохнул, все еще усмехаясь собственным мыслям. Ему действительно нравились социальные мифы, создаваемые такими, как он, Ландау или, например, Юрген. Нравились образы, шумиха, покров тайны. И растущая прибыль производителей игрушек, выбрасывающих на рынок что-то вроде «Черный Ферзь «Спектракома»» или «Последний юрэй «Макромел-Астра»» (*плащ, пистолет и ножи в стандартный комплект не входят, пожалуйста, приобретите их отдельно*)...

Финукейн ускорил шаг.

Шлейзинг отдельно отметил, что уровень сопротивления ожидается крайне высоким. И когда в игру вступят асы, равные ирландцу, тот уже не сможет беззаботно прогуляться по улочкам европейского города. Засядет со своими людьми в высотной цитадели Статуса «Конро». Превратится в сторожевого пса. Но это случится позже. Возможно, даже не в этом году. А значит, у него есть еще несколько дней, чтобы дышать свежим воздухом, строить глазки девчонкам и пить горячий грог под искусственными площадными елками с полумесяцами на макушках.

Ирландец провел рукой по карману, ощущая увесистую твердь ножен. Он будет считать пролитую кровь добрым знаком. Бутылкой вина, разбитой о штевень спущенного на воду парусника. Жертвой судьбе и удаче. На площади Републик живой оркестр, преимущественно состоящий из чернокожих мигрантов, старательно играл Рождественские гимны. Правоверные, выходявшие из новенькой мечети, косились неодобрительно. Но молчали, провожаемые угрюмыми взглядами полицейских из отдела нравов.

Дрейфус ждал его в кафе на углу бульвара Люнди и Шам де Марса.

Заведение, как и ожидалось, держали турки. Но старательно сохраняли в нем лубочную атмосферу национального французского колорита, украсив потолки деревянными фальшбалками, развешав декоративные факелы и включив в меню алкогольные напитки. Словно притаившийся в тени хищник, Эджиде восседал за дальним угловым столиком, отключив крохотный светильник и не позволив зажечь стоящую перед собой свечу...

Актуальное имя: Дрейфус «Аметист» Эджиде. Биологический возраст 37 лет, мужчина, негроид, предположительно нигерийского происхождения. Доминирующий психотип: флегматод, невосприимчив к критике, инертен, жесток. Специализация: штурмовик, пилот. Дополнительные возможности: широчайший спектр средств передвижения, холодное оружие, рукопашный бой. Биоплантаты: правое легкое, мышцы предплечий; механические усилители: кисти рук. Уровень подготовки: Бета-IV. С 2051 по 2056 год: служба в морской пехоте США, имеет правительственные награды. 2057

год: выполнение ряда операций на Ближнем Востоке под патронажем Центрального Разведывательного Управления США. 2058-2064 годы: штатная пешка ряда Статусов в странах Азии и Европейского Альянса. 2065 год: партия «Клин» на стороне ТрансСтата «Мальтус». 2066 год: пешка Статуса «Спектраком», участие в Мексиканской войне. 2066 год: операция «Алфавит» в боевой группе Киллиана Финукейна. Имеет одиннадцать ранений. Общая оценка эффективности по совокупности показателей: 77 %.

...Зал был заполнен лишь наполовину. Пожилая пара доедала обед, за еще одним столом о чем-то живлено болтали четверо школьников в модных обтягивающих хиджабах.

Темнокожий пенс был одет в неприметное темно-серое пальто, на фоне которого ярко-красная вязаная шапочка, которую тот не снимал даже в помещении, походила на шляпку мухомора. Глаза Дрейфуса скрывали электронные очки дополненной реальности, затемненные до непрозрачно-черного цвета. На запястье виднелся крученный браслет из тонкого синтетического шнура, легко превращаемый в удавку.

Аметист казался угрюмым и сонным, как поднятый из берлоги медведь.

Какое-то время Киллиан постоял в дверях, привыкая к скудному освещению кафетерия. Подошел к стойке, заказав бокал красного вина, и неспешно направился в угол зала. Присел за столик, бросая перчатки перед собой. Вздохнул шевелюру, стряхивая с волос липкую морось, уже второй день засыпавшую город.

– Говорят, вторая половина зимы будет на удивление холодной, – сказал он, будто бы продолжая недавно прерванный разговор. – Местные пророчествуют, что даже канал замерзнет, представляешь?

Дрейфус медленно поднял крупную голову. Очков не снял.

– Прошло меньше месяца, Киллиан. – Приглушенным басом произнес чернокожий, отодвигая нетронутый коктейль из молока и ягод. – Мы даже не успели залечь, а ты уже перескакиваешь Пролив, чтобы обсудить, замерзнет ли канал ла Марне?

– Я понимаю причину твоего недовольства, – миролюбиво согласился Финукейн.

Он действительно понимал. Потому что неписанными правилами Шахматного Клуба всем участникам партии после ее выполнения, какова бы ни была результативность, полагался заслуженный отдых.

– Появилась причина, по которой мы должны вернуться в строй, – негромко добавил он.

Официантка принесла вино. Положила перед ирландцем тончайший силициновый лист интерактивного меню и тактично отступила за стойку. На лице Аметиста не читалось ничего, кроме откровенного желания вернуться в теплую постель.

– Причина, по которой *ты* должен снова встать в строй. – Когда Дрейфус говорил, собеседнику казалось, что где-то неподалеку работает трансформатор. – Думаешь, я не могу связать падение котировок с твоим рвением получить новую работу? Комитет еще не закончил расследование. Филиппинцы и китайцы рвут и мечут, обещая жестоко отомстить. Марго смотала удочки и сменила постоянную нору. Пороху чуть не переломали ребра в баре для пешек. Мы запянулись, босс, и суета сейчас – не лучший способ извиниться перед профсоюзом.

– Шум скоро утихнет. – Киллиан сделал глоток вина, отмечая его мягкость и богатый вкус. После таббабинола голова легко кружилась, а краски обретали глубину и пульсацию. – Мой поверенный нашел способ исправить ситуацию...

– У тебя кровь, Киллиан.

Ирландец скосил глаза, только сейчас заметив тонкую красную полоску, перечеркнувшую полу пальто ниже левого колена. Выдернул из держателя салфетку, смочил ее слюной и начал оттирать уже засохший след.

– Когда вожак стаи ранен, всегда найдутся щенки, пытающиеся сделать имя на его смерти. – Он пожал плечами, признавая закономерность случившегося. – Меня только что пытались убрать. Поспешно и неумело. А это означает, что партия у нас в кармане.

– Хватаемся за соломинку? – Мясистая губа Аметиста изогнулась. Он отвернулся, глядя в стену, украшенную старинными номерными знаками и рыцарскими гербами. – Это выглядит, как оправдание...

– Вовсе нет, – неожиданно оживился Киллиан. Спрятал салфетку в карман, одернул пальто. – Партия намечалась еще до отправки в Метро-Манилу. Мой агент сумел ее удержать.

– Эта спешка...

– Признаю, спешка имеется. Но без нее никак. Промедление сейчас не в наших интересах. Упустим шанс, уроним репутационную планку, и вот тогда точно придется искать соломинку. Или разбежаться, отправляясь в жаркие страны свергать мелких диктаторов. Готов работать за грошовые алмазы?

Почти минуту Эджиде размышлял над словами командира, уставившись в одну точку. А может быть, рассматривал полутемный зал кафе – его глаза оставались надежно скрыты дорогими очками «Самсунг-Лотте». Затем вздохнул, укладывая перед собой руки и барабаня пальцами по столу. Под кожей перчаток тихонько жужжали приводы.

– Значит, партия была запланирована еще до нашего отлета?

– Более того – они хотели именно нас!

– И не передумали?

– Детали сделки я оглашу позже. Если, конечно, ты вообще заинтересуешься предложением. – Рыжий пешка откинулся на спинку, делая еще один глоток вина.

Киллиан не сомневался, что пилот согласится на его предложение. Но отдельное очарование работе придавали именно такие переговоры – наполненные игрой, лестью и обещаниями барыша.

– Надо было его завалить, – неожиданно сказал Аметист, для убедительности качнув головой. – Уверен, Комитет с удовольствием клюнул бы на байку о том, что твой давний кореш перебил всех четверых...

– Забудь про Данста, – негромко, но резко отсек его слова Финукейн. Скулы ирландца окаменели. – Ублюдок получит свое. Но *сейчас* мы должны сосредоточиться на ином. Итак, Аметист, ты готов собрать пожитки и последовать за мной?

Тот неспешно поднял руку, приспуская очки на кончик носа. В тусклом свете настенных светильников сверкнули его черные, словно выточенные из обсидиана, глаза.

– И это поможет поднять котировки? Избавиться от внимания Комитета?

– Ну и заработать, конечно. – Киллиан изобразил улыбку, поднимая бокал, словно они завершали взаимовыгодную сделку. – Моему агенту удалось удержать тарифный план. Несмотря на шторм. Ты со мной?

– Можешь не сомневаться, – вздохнул плечистый пенс. Вздохнул устало, будто смирившись с неизбежностью скорой работы. – Но затем я беру тройной отпущ.

– Заметано. – Финукейн сделал глоток.

– Кто еще?

– Нахожусь в процессе сбора.

– И первым пришел ко мне, потому что знал, что Аметист не откажет?

– Выпью за твою прозорливость!

– Ты чертовски верткий и хитрый ирландский ублюдок, Киллиан.

– За это меня и любят...

– Поделишься информацией?

– Ее пока немного. – Ирландец отставил вино. Придвинулся ближе, почувствовав запах оружейной смазки, исходивший от перчаток Эджиде. – Соппротивление выше среднего. Воз-

можно диверсии, но поверенный не исключает и возможности прямого столкновения. В наши задачи входит опека некоего объекта.

– Склад, станция серверов, поезд, челнок, военная база?

– Пока сказать не могу. Но менеджеры «Конро» убеждены, что без дела мы сидеть не будем.

– Каков план?

Киллиан прищурился. Вспомнил тяжелое дыхание молодого пешки, убитого им менее часа назад в подворотне улицы Белен. Снова ощутил тяжесть трофейного ножа в кармане, и с удовольствием сделал еще один глоток вина.

– Найди Марго, – распорядился он. – Любой ценой верни ее в Альянс. Затем свяжись с Порохом. Если он проиграл еще не всю выручку, у него на это двое суток. Точкой сбора станет Бремен, координаты сброшу позже. Начинай закупки снаряжения, предварительный список у тебя в кабинете.

– Куда пропадешь?

– Останусь в пределах Старого Света. Собираюсь доукомплектовать группу. Возможно, встретишь старых приятелей.

– Слышал, что случилось с Монтельи?

– Слышал. – Скулы Финукейна вновь стали острыми и твердыми, как гранит. – Как бы то ни было, Монтельи в мои планы не входил.

Аметист пожал плечами и скептически поморщился. Вернул очки на прежнее место и оправил на бритой голове нелепую яркую шапочку. Какое-то время оба молчали, прислушиваясь к щебету школьниц и обрывкам музыки, доносящейся из кухонной зоны кафе.

– Связь только через клубный инфоспатиум. – Наконец Финукейн поднялся, бросая на столик несколько мятых купюр. – Вечером двадцать шестого выдвигаемся на объект. И я более чем уверен, что за эти пять дней у нас уже появится противник...

– Уяснил. – Нигериец одернул перчатки, не спеша вставать следом. – Но уясни и ты, Киллиан: после этой партии я надолго залягу на дно.

Ирландец улыбнулся, поднимая воротник пальто.

– Условия принимаются.

Нью-Йорк 21 декабря 2068 года 12-50

– Прилежный Мартин уже купил рождественские подарки соседям?

Изображение Молтона в очередной раз треснуло и расслоилось в глубину, превратившись в чудовищное нагромождение разноцветных визуальных пластов. Раскатистый смех старика заставил акустику захрипеть. Рядом с терминальной станцией лежала исцарапанная сфера «Менгджинг», пользование которой также входило в оплату номера, но Мартин откровенно брезговал надевать шлем, пользуясь только внешними дисплеями и динамиками.

Данст поморщился. Провел пальцами по чистому джинсовому коврику, уложенному на столешницу под проекцию клавиатуры. Убавил громкость, отключил псевдотрехмерный режим экрана. Темно-синий отрез ткани уже давно стал его верным спутником, когда дело доходило до дистанционного общения с Бенджи.

– Я приглашаю тебя на вкусный и недешевый кофе, – как можно спокойнее ответил он, уставившись в объектив камеры. – Ты назначаешь встречу в загаженном клоповнике. Это справедливо?

Мартин нечасто бывал раздражен. Сейчас наступил один из таких редких моментов, когда он пребывал не в духе. Разумеется, жизнь каждой профессиональной пешки должна проходить в густой тени. Со всеми вытекающими способами маскировки, конспирации, сменой имен, каналов инфоспатиума и мест обитания. Но одно дело – купить с рук незарегистрированный мобильный комп, отправив технику в утиль после серии сеансов; и совсем другое – шастать по дешевым спальным клетям, рискуя подцепить заразу.

Доппельгангер неприязненно осмотрел узкий, будто шкаф, номер гостиницы. Спальное место вторым ярусом нависало над головой, приглашая забраться наверх по выдвигаемым скобам в стене, половина которых отсутствовала; там же размещался так называемый гигиенический блок с утопленным в стене писсуаром и раздатчиком бумажных полотенец. Внизу, занимая все пространство комнаты, разместился стол с терминалом. Сесть за который было возможно, лишь с силой отомкнув от стенки пружинную откидную сидуху.

– Если заболею ретрогриппом или чем хуже, – совершенно серьезно бросил пенс в экран с довольной физиономией поверенного, – лечение оплачивать будешь ты...

Бенджи снова хохотнул.

– Не суетись под клиентом, мой мальчик. Забыл, что именно я входил в инициативную группу профсоюза, убедившую Клуб проводить ежегодную вакцинацию коллективов?

– Меня сейчас стошнит, – не позволяя понять, шутит ли он, покачал головой Мартин. – В этот раз гостиница просто невыносима...

– Белокрылый Брахма называет горячность и нетерпимость самыми коварными грехами! – Молтон назидательно покачал указательным пальцем здоровой руки. – Только задумайся, скольким страждущим дали приют эти стены, сколь многих спасли...

Вероятно, в глазах Данста проскочила искра. Потому что уже через мгновение старик перестал паясничать. Поза его изменилась, он подобрался, как готовый к прыжку тигр.

– Я все понял, мой мальчик, не заводись... Чтобы сгладить впечатление о кошмарности места, в которое ты угодил, твой старый друг готов поделиться вестями. Добрыми вестями, как сказал бы Змееволосый Пангу.

– Обращаюсь в слух. – Мартин поерзал на откидном стуле, стараясь не прикасаться к стене за спиной. Из соседней комнаты неслись звуки семейной ссоры и детский плач.

– И так... – Старик пригладил седую прядь. – Как ты мог предположить, партию «Конро» я слил. Намеренно, если таковая формулировка допустима. Что в свою очередь, позволило мне увеличить ажio одной известной персоны еще до внесения корректировок в репутационные листы и выйти на прямой контакт с... – Он все же позволил себе многозначительную паузу, выдержанную ровно столько, чтобы собеседник не вспылал снова. – ...Сигэюки Такешиге, одним из генеральных бхикшу Транснационального Статуса «Хитоде».

– Это они построили первый соратобу?

– Именно так.

Он вдруг осекся, словно вспомнил что-то очень важное.

– Кстати... – Молтон нахмурился, отчего седые брови сошлись на переносице, как два покрытых инеем куста. – А знаешь, мой мальчик, почему я так свободно говорю о сделке с мистером Такешиге в канале инфоспатиума?

Мартин удержал вздох. Заставил себя мысленно сосчитать до десяти, улыбнулся и кивнул.

– Потому что единственным достоинством спальных гостиниц, – словно отвечая заученный урок, послушно ответил он, – является полная защищенность линий и лояльность хозяев к осуществляемым в инфоспатиуме операциям.

– Совершенно ведь верно! – Бенджи в умилении развел руки, затем легко хлопнул в ладоши. – Впрочем... Мне очень нравится подкалывать тебя, мой мальчик, но сейчас я отвлекся от самого важного.

Данст задержал дыхание. Если агенту удалось связаться с японским Статусом после повышения его, Доппельгангера, продажной стоимости, это могло сулить не только высокооплачиваемую, но и весьма интересную работу.

– Так вот: мистер Такешиге необычайно, если такой термин вообще применим к непрошибаемым япошкам, заинтересовался твоей персоной. – Бенджамин был доволен, как выудивший полную сеть рыбак. – И настаивает на привлечении героя Метро-Манилы в качестве временного сотрудника ТрансСтата.

– Ты закрыл сделку, – не спросил, а подытожил Данст, с легкостью сдерживая непрошенное ликование. Будучи по природе человеком сдержанным, пешка не любил проявлять эмоций. Ни при подчиненных, ни при деловых партнерах. – Ты закрыл сделку с японцами, скрипучий сукин сын.

– Пусть за такие слова Многоликий Идзанаги поразит твой гадкий язык волдырями, – расхохотался, теперь уже открыто и раскатисто, Бенджамин Молтон. В его руке, извлеченная из-за пределов видимости, появилась бутылка водки, опустошенная на треть. – Открывай шампанское, мой мальчик, таких условий ты еще не видел!

Мартин кивнул, дожидаясь, пока агент сделает внушительный глоток. Даже если бы у него с собой было шампанское, его открытие он бы придержал до возвращения из Джерси – грязь на стенах номера начисто лишала аппетита.

Оставаясь непроницаемым и спокойным, Данст терпеливо ожидал подробностей. Он уже давно научился не запускать фейерверки, стоило выгодному контракту упасть в его копилку.

– Деталей пока немного... – Отпив прямо из горлышка, Бенджи несколько секунд кривился, шумно вздохнул и вновь уставился в камеру. – Получение корреспонденции, выражаясь твоим языком. На территории Альянса, где Статус мистера Такешиге намерен вновь наращивать влияние. В наличии тонкость при формировании группы – особенные пожелания заказчика. Необходимо не менее пяти фигур, набор можно начинать. Ты доволен старым другом, мой мальчик?

– Я всегда рад приступить к работе, – словно примеряя на себя роль сдержанного работника островной корпорации, Мартин слегка поклонился поверенному на экране. – Каким временем мы располагаем?

Бенджамин ответил, заставив нижнюю губу Доппельгангера сварливо поджаться. Затем переслал ключи доступа к кабинету в закрытом клубном спатиуме для пенсов, где оставил часть материалов по Статусу «Хитоде» и пожеланиям его бхикшу. Мартин слушал в пол-уха, уже начиная прикидывать, взвешивать, сопоставлять. В его голове проносились, вспыхивая, десятки имен, наименований, оружейных марок и средств защиты. Однако в первую очередь – имен. Большую часть которых он тут же безжалостно отсеивал, чуть невпопад кивая словам агента.

Разговор длился еще несколько минут и глотков водки. Затем Бенджи отодвинулся от экрана, словно намереваясь уходить.

– Счастливого Рождества, мой мальчик! – Он снова отсалютовал в камеру бутылкой.

– Сейчас принято поздравлять с Декадой Религиозной Терпимости, – осторожно поправил его Мартин, но улыбка вышла самой что ни на есть дружеской. – С праздниками тебя, старый гуляка.

Подмигнув, поверенный разорвал контакт.

Данст вынул из кармана и прилепил на борт терминальной станции крохотный блок. Запустил пенетраторского клеща, вычищая из системы любые следы состоявшейся беседы. Погасил систему, осторожно встал, чуть не получив по задку захлопнувшейся сидущкой. Стараясь лишний раз не прикасаться к стенам и липкой поверхности стола, скатал джинсовый коврик, пряча в пальто.

Оранжевый замер, прислушался и медленно отошел от двери.

Гостиничный коридор уводил вправо, прочь от лестницы, почти лишенный освещения, и именно его поворотом охотник и рассчитывал воспользоваться. Пешка выйдет из номера, закроет дверь, повернется спиной и тогда Оранжевый окажется рядом.

Внутри заскрипел пружинами и хлопнул по нише откидной стул. Стараясь не запинаться за рваные раны старого линолеума, Оранжевый сместился в полумрак, медленно и беззвучно расстегивая короткую куртку. Вынул плоский короткоствольный пистолет. Заметил, как подрагивают пальцы. Патрон уже находился в стволе, поэтому пенс лишь снял оружие с предохранителя.

Несмотря на старательную подготовку и последние десять минут, проведенные в боевой медитации, Оранжевый дышал излишне шумно. К сожалению, он лишь отчасти знал, в кого именно собирается послать пулю. Но относительно умений и уровня подготовки своей жертвы не питал ни малейших иллюзий. У волнения была иная причина – парень знал, что в случае успешного исхода операции, его личная котировка внутри организации взлетит выше некуда, пусть даже временно...

Внутри номера защелкали выдвижные ступени, ведущие на спальный ярус. Оранжевый нахмурился – он определенно не рассчитывал, что его цель собирается задерживаться в гостинице. Тем более спать или посещать смехотворную уборную. Боец проглотил комок. Торопливо сдернул с правой руки перчатку и вытер вспотевшую ладонь о штанину. Выходить на матерую пешку лицом к лицу ему приходилось впервые...

Из динамиков терминальной станции донеслись звуки интерактивной рекламы – объект вернулся в инфоспатиум, переключая новостные каналы. Снова заскрипело сиденье, оторванное от стены. Оранжевый опустил потяжелевший пистолет, не совсем понимая, что делать дальше. Его предупредили, что противник посещает клоповники такого класса только набегами, чтобы провести сеанс связи. Но что делать со случайными свидетелями, норовящими вот-вот появиться поблизости, парнишка понятия не имел.

Капля пота, сорвавшись с левой брови, обожгла его щеку. Оранжевый смахнул ее тыльной стороной ладони, прижимая к себе оружие так, чтобы успеть прикрыть телом, если в коридоре покажется посторонний. Сделал шаг к заветной двери, пытаясь угадать, чем именно занят

объект. Если тот собирается оставаться в номере еще хоть на час, операцию придется перепланировать...

Охотник облизнул пересохшие губы и несколько раз быстро моргнул, стряхивая пот. Голова под плотной зимней шапкой вспотела и чесалась не меньше ладоней. В соседней комнате продолжала ругаться семейная пара, ребенок плакать прекратил, но его жалобные всхлипы еще были слышны. Оранжевый вздохнул, намереваясь спуститься на подземную парковку. Там он сможет напасть, когда противник начнет садиться в соратобу.

Старшие учили его выжидать. Но также учили тому, что настоящее терпение приходит лишь с опытом и определенным возрастом: знать о необходимости сидеть в засаде и просидеть в ней без движения несколько часов или даже сутки, совсем разные вещи.

Становилось жарко. Духота и смрад, разлитые по коридору, сводили с ума. Оранжевый задумался, а имеются ли в номерах окна, через которые мог отступить осторожный клиент...

Охотник стянул с мокрых волос шапку, засовывая за отворот куртки. Сделал еще один осторожный шаг к двери, пожалев, что не прихватил с собой ни сканера, ни инфракрасного визора. Двери были экранированы напылением, но наличие последнего прибора могло помочь хотя бы определить, на месте ли его цель...

Выставив перед собой пистолет, боец подступил к металлопластиковой двери, легкой и прочной, безжалостно исцарапанной тысячами пьяных постояльцев. Подался вперед, напрягая слух, приложил щеку к гладкой холодной створке. Внутри хрипели динамики терминальной станции, диктор рассказывал о промышленной аварии, больше не доносилось ни звука. Оранжевый уже был готов отступить в тень коридора, как в следующее мгновение был убит. Пуля, выпущенная в упор, с хрустом пробила дверь, вгрызаясь в его голову чуть выше правого уха.

Выронив пистолет, неудачливый наемник рухнул к порогу, так и не успев осознать собственную ошибку. Из выходного отверстия на противоположную дверь брызнуло розовым и красным. Электронный замок номера мигнул, открылся, а затем через мертвого парня перешагнули.

Не спеша покидать номер, Мартин внимательно осмотрел коридор поверх пистолетного прицела. Отстегнул одноразовый глушитель, снял очки дополненной реальности и натянул на лицо облегающую медму – медицинскую маску, незаменимый атрибут жителя большого города, не желавшего подцепить вирус. А еще желавшего остаться неузнанным, если угодит в объективы вездесущих полицейских камер.

Перешагнув через тело совсем молодого пешки, Доппельгангер сорвал со стены миниатюрную камеру наблюдения, привычно цепляя на воротник. Несколько секунд постоял неподвижно, вслушиваясь в звуки утихающей семейной перебранки. Затем убрал оружие во внешний карман пальто и поморщился, заметив липкие комковатые потеки.

Продолжая отсчитывать секунды, прошедшие после выстрела, он присел на корточки, рассматривая неудачливого убийцу. Пистолет, откатившийся от тела, оказался полицейской моделью «Смит-Вессон» сорок пятого года выпуска. Одежду парнишка носил самую неприемную, ярлыки додумался спороть. Несмотря на неопытность убитого, Мартин не рассчитывал найти в его карманах ни бумаг, ни идентификационных карт. Снова надев очки, Данст сместился, выискивая удачный ракурс, и сфотографировал пенса, благо его пуля почти не повредила лица.

Оставалось выяснить, что спровоцировало нападение: месть филиппинского Статуса или вечное желание молодняка сделать собственное имя на ликвидации тех, кто находится в центре внимания. Скорее всего – второе. Шахматный Клуб с крайней неохотой брался за карательные контракты, а личные специалисты азиатского ТрансСтата никак не могли так быстро выйти на след членов группы Финукейна. Возможно, когда Бенджи протрезвеет, он попросит поверенного выяснить этот вопрос...

Поднявшись на ноги, Мартин уронил на пол ключ-карту от собственного номера, и быстрым шагом направился к лестнице, все еще сжимая в кармане пальто пистолетную рукоять.

Братислава 22 декабря 2068 года 09-00

Визитер был пунктуален.

Бесарт откинулся на спинку удобного ортопедического кресла. Нахмурился, внимательно разглядывая фигуру, маячившую на мониторах системы внешнего наблюдения. Этого человека он не встречал уже давно.

Радольский встал, машинально заглянув в пустую чайную кружку. отошел от широкого стола, до краев заставленного мобикомпами и стационарными терминалами. Входную дверь он отпирать не спешил. Более того, даже хотел немного промариновать гостя, оценить степень его настойчивости.

Бывший пешка неторопливо спустился на первый этаж, прошел на кухню. Опустил кружку в посудомоечную машину, потянулся к лежащей на тумбе пачке сигарет...

Актуальное имя: Бесарт Радольский. Биологический возраст 34 года, мужчина, европеоид, предположительно английского или южноафриканского происхождения. Доминирующий психотип: сангвиникатор, сдержан, невыразителен в речи и эмоциях. Специализация: средства обороны и штурма. Дополнительные возможности: снайперское оружие, контактное оружие, терминальные системы. Биоимплантаты: левое легкое, селезенка, левая рука; механические усилители: отсутствуют. Уровень подготовки: Бета-II. С 16 лет являлся членом различных уличных группировок, в основном нес ответственность за оборону штабов и инфильтрацию на территории баз противника. С 2060 года завербован в штатные пешки агентством Транснационального Статуса «Грейтекс», обеспечивал безопасность корпоративных хранилищ. После подрыва на mine в 2064 году во время партии на стороне Эшелона «Грейтекс» практически отошел от дел и не участвует в выполнении боевых операций. Имеет одно ранение. Общая оценка эффективности по совокупности показателей: 82 %. В настоящее время числится в категории частично-отстраненных игроков.

...Повертел мятую, очень старую коробочку в руках. Осторожно, словно опасаясь сломать в пальцах, достал желтую палочку. Несколько секунд рассматривал ее, как будто видел впервые. В губы вставлять не спешил. Потому что курить Радольскому было нельзя вот уже четыре года.

Легкое, замененное по бюджетному варианту финансирования ТрансСтата «Грейтекс», уже начинало сбывать. Если бы пенс решился усугубить его состояние вдыханием табачного концентрата, уже через месяц мог выбрать гроб.

Бесарт помял сухую сигарету в пальцах, поднес к носу и жадно втянул запах. Спрятал обратно в пачку, купленную еще в шестьдесят пятом.

Человек, стоявший перед камерами его квартиры, наверняка прибыл из Французского Региона. Еще более вероятно – Реймса, борт из которого час назад совершил посадку на полосу «Милана Растислава Штефаника».

Налегке, без багажа. Небесный странник, в появлении которого Радольский был крайне заинтересован сам. Однако, этому научило уличное прошлое, он не собирался открыто проявлять свой интерес – настоящую цену можно поднять только выдержкой и размеренным торгом.

Пенс вернулся в рабочую комнату на втором этаже, вынул из ящика стола пистолет, и снова опустился в удобное глубокое кресло. Человек на пороге дома оставался неподвижен, ожидая его решения с ледяной невозмутимостью. Вот только сигарету достал, демонстративно закурил в объектив.

Он знает, зачем пришел. Он знает, что нужно Бесарту...

В душе Радольского боролись два демона. Один умолял на золотом блюде принести рыжеволосую голову пешки филиппинцам, получить куш и провести замену барахлящего имплантата. Настаивал, что в пекло больше лезть нельзя. Второй приводил убедительные аргументы – после устранения Финукейна сам Радольский не протянет и года.

А еще ирландец мог предложить *больше*.

Куда больше, чем способны выложить обозленные бхикшу на другом конце света.

Также Бесарт помнил об искушении. Неотступном, навещавшем почти каждый божий день. И когда он смотрел новости, в которых сообщалось об очередной стычке промышленных гигантов... И когда перебирал старые рабочие файлы... И когда чистил оружие...

Он вдохнул, не позволяя кашлю прорваться, и утопил пальцы в голографической клавиатуре.

– Открыто, – негромко произнес хозяин дома в микрофон, разблокируя замки первого этажа.

Визитер, однако же, не спешил переступить порог. Неторопливо докурил, спрятал окурки в кармане. Расстегнув пальто, устался в объектив, изгибая левую бровь.

– Ты ведь не планируешь устроить мне сюрприз, *chara*¹⁵?

Непосредственно с ирландцем Бесарт Радольский не работал ни разу. Однажды входил в состав вспомогательной группы, так и не приступившей к действиям, видел рыжего издали и слышал на каналах тактического спатиума. Составил некое впечатление о стиле работы и характере этого человека, отложил в долгий ящик. Еще через пару лет Финукейн сделал ему дистанционный заказ на несколько ювелирных гаджетов из числа тех, что не купить в гипермаркете. Через год получал платную консультацию, как может обмануть купленное им же оборудование. Все инструкции и расчеты были проведены издали, без личного контакта. И вот высокопоставленный пешка явился собственной персоной...

– Никаких сюрпризов, *kámoš*¹⁶, – со вздохом ответил Радольский. – Поднимайся на второй этаж.

И едва успел отключить микрофон, как тут же зашелся в выворачивающем наизнанку приступе.

Мониторы терминала бесстрастно следили, как гость минует прихожую и вышагивает по ступеням из натурального дерева. Спокойный с виду, но собранность и готовность к действиям выдавали излишняя мягкость движений и напряженные плечи.

Бесарт покинул кабинет, плотно прикрыв за собой дверь. Пересек гостиную и торопливо спрятал оружие за диванной подушкой. Сел лицом к двери, опустив руку так, чтобы пальцы касались пистолета, принял расслабленную позу. В дверь осторожно постучали, после чего в комнате появился Киллиан Финукейн.

– Доброе утро.

– Доброе утро.

Ирландец остановился в дверях.

– А ведь я тебя знаю.

– Такое в нашей профессии возможно.

– Бесарт... – пришедший покатал слово на языке. – Что за имя?

¹⁵ Друг (ирл.)

¹⁶ Приятель (словацк.)

– Албанское. Тридцать лет назад на них тут был бум.

Хозяин, натянуто улыбнувшись, указал на стоящее перед собой кресло с обивкой из искусственной кожи. Гость понимающе кивнул и с необычной осторожностью присел. Пальто было расстегнуто и демонстративно распахнуто, чтобы оказалась заметна скрытая одеждой кобура.

– Ты ведь целишься в меня, не так ли? – с улыбкой спросил рыжеволосый, стянув перчатки и причесавшись растопыренной пятерней.

– Да, – честно ответил Бесарт, продолжая поглаживать рифленую рукоять.

Его одновременно восхищал и раздражал развязный стиль Финукейна. Его видимая разболтанность, умение вести себя по-хозяйски, даже проведя в чужом доме считанные минуты.

– Не горячись, приятель. Сегодня играем только по твоим правилам. – Визитер примирительно развел руки.

– Надеюсь, ты не потянешься за своим пластиком, – прокомментировал Радольский, сдерживая кашель, – и тогда все пройдет чисто.

– У меня не пластик, – честно, с оттенком неожиданной обиды ответил Киллиан. – «Браунинг Берта», могу показать...

– Не стоит. – Бесарту оставалось надеяться, что гость не слышит, с каким гадким хрипом выходит воздух из его отработавшего легкого.

А еще ему пришлось скрывать удивление. Потому что ирландец открытым текстом дал ему понять, что вооружен не пистолетом из сплавов, способных обмануть сканеры Интербюро, а настоящим боевым оружием. Это означало, что стволом тот обзавелся уже в городе. А еще это означало, что Финукейна кто-то навел и скорректировал.

Затем Радольский испытал внезапное удовлетворение. Он уже давно не чувствовал себя продажной единицей, востребованной и пользующейся спросом.

Какое-то время они молчали, разглядывая друг друга, словно готовящиеся к спаррингу боксеры. Или дворовые псы, встретившиеся на нейтральной территории и пытающиеся угадать, чего ждать от незнакомца.

Несмотря на улыбку и навязанную таббабинолом или нейростимами бодрость, Киллиан уже давно не переводил дух – это было заметно по теням под глазами, невымытым волосам, двухдневной щетине. Тот, в свою очередь, изучал хозяина квартиры – его заношенный домашний халат, болезненную бледность лица, впалую грудь и седину, отчетливо пробивавшуюся сквозь эспаньолку. Руку, скрытую диванной подушкой.

Затем Бесарт предложил чаю. Ирландец, разумеется, отказался. И вдруг перешел в наступление. Покачал головой, будто раздумывая над карточной ставкой, и спросил:

– Не надоело жить на сбережения, chara?

– Я вышел с достойной пенсией, – спокойно парировал Радольский.

– Вероятно, ты прав, – неожиданно согласился гость. – Для человека с неисправной дыхалкой ты держишься неплохо.

– Для человека, попавшего в неприятности... – Бесарт медленно втянул воздух, стараясь не закашляться, – ты тоже.

– Меткий выстрел, дружище! – Киллиан хохотнул, откинулся на спинку кресла. – Ты знаешь, кто я такой. Я кое-что знаю о тебе. Позволишь перейти к делу?

– Ну, только если ты не захотел чаю.

– Отлично... – Ирландец коротко кивнул, из утомленной пародии на известного киноактера-прожигателя жизни превращаясь в настороженного и внимательного дельца. – Вообще-то я привык проводить вербовку иначе. Деликатнее и тоньше, если угодно.

Радольский, не отрываясь от его мерцающих серых глаз, чуть склонил голову, призывая продолжать.

– Однако время поджигает, чага. Нас обоих, если ты понимаешь, о чем я. Потому я расскажу, как *могло* бы обстоять дело. А ты скажешь, устроит ли тебя такой сценарий?

Хозяин уютного двухэтажного дома на тихой и заселенной пенсионерами улице Бронзова снова кивнул. Ему нравилась напористость визитера. Она раздражала его, напоминая о былых днях.

– Итак... – Финукейн потер руки. – Сейчас я какое-то время буду распинаться, убеждая, что нуждаюсь в таком пешке, как ты. Что я изучил рекомендации, профиль, прогнал кучу аналитических программ и пришел к выводу, что нуждаюсь именно в Бесарте Радольском, как ты себя нынче называешь. Отмечу, что не стал посылать стандартный запрос через Клуб, потому что их ты удаляешь не читая. Обращу внимание, что прибыл лично, не пожалев времени. Затем озвучу финансовое предложение. На всякий случай упомяну про уровень конкуренции и еще пяток резюме, находящихся на моем рассмотрении. Потом ты засомневаешься. Начнешь ломаться. Скажешь, что давно отошел от дел и больше не в игре. Тогда я нежно подержу твой член в руках, теща самолюбие примерами прошлых партий. Буду убеждать. Буду упрасивать. В конечном итоге, услышав сумму, ты сопоставишь ее с ценой нового легкого и согласишься. Мы быстренько соберем вещи в дорогу и отбудем в аэропорт.

– Или? – Против своей воли Бесарт улыбнулся, впервые за долгое время забыв о кашле.

– Или мы сразу перейдем к финальному акту спектакля, – ирландец недоуменно пожал плечами, – ты уберешь руку с пистолета и отправишься паковать чемоданы...

В этот момент Радольский осознал, что согласен. Более того – он взаправду хочет, чтобы его купил этот нагловатый рыжий. Потому что чем бы ни наполнились сводки Клуба, стиль Финукейна оказался ему симпатичен. Как и перспектива заменить умирающий блок в груди.

– Почему именно я?

– Потому что мне понравились изготовленные тобой оборонные терминалы.

– А если откровенно?

– Потому что на данном этапе я столкнулся с трудностями в вербовке наиболее рейтинговых пенсов. Ходовых пенсов, не отошедших от дел.

– Спасибо за честность.

– Ты ведь не растерял навыков, Бесарт? – внезапно посмурнев, с недоверием спросил гость.

– Когда кашель усилился, я написал персональную программу, – все еще не торопясь демонстрировать интерес, ответил Радольский. – Через боевой терминал она корректирует вибрации моей диафрагмы и систем наведения при стрельбе с обеих рук.

Брови ирландца приподнялись, он хмыкнул.

– Выходит, я не ошибся.

– Осталось не ошибиться мне.

Вместо ответа рыжий вынул из пальто смартфон, старый, потертый, купленный в Санктуариуме и наверняка с затертыми идентификационными кодами. Вынул медленно, но уверенно, даже не подумав предупредить Бесарта, чтобы тот не начинал пальбу. Семь раз пикинул сенсорными клавишами набора номера, развернул прибор экраном к хозяину квартиры.

Едва взглянув на цифры, Радольский выпустил пистолетную рукоять.

– Шах и мат?

– Шах и мат, – с достоинством подтвердил Финукейн, завершая заключенную сделку старинной ритуальной фразой. – Шах и мат, пешка.

Бесарт встал с дивана, стараясь не хвататься за левую половину груди. Кивнул на массивный книжный шкаф в углу гостиной.

– Там на нижней полке бутылка коньяка. Хорошего. Бокал найдешь на верхней. Выпей, шеф, это бодрит куда сильнее твоего таббабинола...

И прошел в спальню, на ходу продумывая, какие вещи и электронику предстоит взять с собой. За его спиной ирландец скинул пальто на кресло, легко хлопнул в ладоши и подступил к шкафу. Скрипнули дверцы, с характерным звуком пробка покинула горлышко, в бокал полилось.

– Поделишься деталями? – спросил Радольский, выживая из-под кровати объемную сумку.

– Мы даем тебе возможность поработать несколько дней, – ответил ему Киллиан, бродя по комнате с напитком в руке и изучая графические наброски на стенах. – Затем садимся в кружок, и молимся Иисусу-Карающему, чтобы ни одна из них не отказала. Затем ты возвращаешься в это сонное царство и меняешь себе легкое. Или, если захочешь, сразу оба.

Бесарт Радольский улыбнулся и расстегнул молнию дорожной сумки.

Миннесота, примерно 50 миль до границы с Онтарио 22 декабря 2068 года 18-40

Издали двухэтажный бревенчатый дом казался брошенным.

Напоминавшим охотничью избушку времен, когда государство еще позволяло вести свободную охоту. Приземистый, похожий на форт эпохи фронта. С узкими окнами-бойницами, забранными толстыми деревянными щитами, узкой подъездной дорогой и угрюмыми скальными выступами, подпиравшими постройку с флангов.

Колесный внедорожник, арендованный в Гранд-Рэпидсе, подкатил на расстояние пистолетного выстрела, после чего Мартин заглушил двигатель. Не спеша покинуть машину, осмотрел дорогу – неезженую, покрытую вчерашним снегом, ухабистую и оледенелую. Однако снег, вдоль обочин уложенный причудливыми спиралями, выдавал, что где-то за домом спрятан соратобу, на котором хозяин осуществляет вылазки за провиантом. И, наверняка, выпивкой...

Забор, когда-то ограждавший постройку с фронта, покосился. Ни антенн, ни спутниковых вышек заметно не было. Из узкой жестяной трубы вился дымок. В одном месте крыша просела под серой снежной шапкой, но Данст догадывался, что имеет дело с качественным камуфляжем.

Форт выглядел первобытным, мрачным, насупившимся и недоверчивым. Осторожно открыв дверцу, Данст медленно выбрался из машины, держа руки на виду. Тишина, обрушившаяся на него, оглушала. Не было слышно ни птиц, ни завывания ветра. Морозный воздух начал покалывать загорелые щеки, и Дюпелгангер опустил отвороты меховой шапки.

Дверь прикрыл, но не до конца, чтобы успеть оперативно запрыгнуть внутрь. Хрустя снегом, неторопливо направился к крыльцу, готовый в любой момент метнуться на обочину, где стволы сосен могли прикрыть его от шальных пуль. Теплую куртку с высоким воротником, под которой притаился пластиковый пистолет, он предпочел держать застегнутой.

Казалось, дом онемел. Даже когда на него обрушивался редкий шквал ветра, он не скрипел ни единой деталью. Плотный, будто вбитый меж двух валунов, бревенчатый крепыш казался обиженным на весь свет. Отличное жилище для человека, которого искал пешка.

Площадку перед постройкой не пятнал ни единый человеческий след. Или хозяин форта вообще не покидал своего убежища, или очень ловко заметал отпечатки подошв. Мартин с равной степенью вероятности предполагал и первое, и второе.

По стволу слева от человека проскакала белка. Тусклая, словно выцветшая. Она застрекотала, будто хотела отругать чужака, нарушившего покой избушки. И исчезла в вечнозеленой кроне. Достигнув крыльца, Мартин остановился, высматривая замаскированные бойницы.

Если он ошибся, внутри его вполне могут поджидать несколько незаконников. Или браконьеров, плевавших на государственные запреты. Может быть, даже от замороженные бутлегеры, знающие толк в укрывности лесных домиков. Но интуиция подсказывала Дансту, что ни тех, ни других он здесь не встретит. А потому медленно, все еще раскинув руки, поднялся по деревянным ступеням, замирая перед дверью. Встал чуть сбоку, осмотревшись в поисках скрытых камер наблюдения. Не обнаружил.

Окна, в отличие от второго этажа, ставнями не закрывались. Но внутри было темно, а стекла завешивали плотные шторы, так что разглядеть что-либо не представлялось возможным.

Массивная дверная створка входной двери была приоткрыта. Судя по снегу, нанесенному на порог, совсем недавно. Вероятно, в тот момент, когда хозяин услышал рев мотора, прорезающий густую лесную тишь. Прислушавшись, Мартин отошел от двери. Конечно, мексиканец

его узнает. Но если уже успел нагрузиться крепким пойлом, может сначала среагировать, и уже потом извиняться.

Безусловно, это напоминало ловушку. Но еще сильнее это напоминало двойную ловушку, и в голове Доппельгангера зазвучал хриплый голос Тайпана:

– Ведь что, пойми меня правильно, делает пешка, мало-мальски поднатасканный в нескольких партиях? Верно – он понимает, что стал очень *гладкой*. Стрелял в людей, воровал миллионные секреты Статусов, играл в шпионов. А еще он думает, что теперь с легкостью переблефует любого. Опередит на два шага...

Обычно после первой тирады мексиканец прикладывался к краю стопки, а потому в воображении Мартина возникла пауза. Он все еще всматривался в темную щель приоткрытой двери, пытаясь взвесить шансы.

– Например, пойми меня правильно, этот самый пешка навевается к тебе в гости, – продолжал Тайпан в его голове. – Ага, думает он – с главного входа я точно наткнусь на пулю! Но я же теперь профи, думает он, способный перехитрить самую хитрую задницу. И, конечно же, метит в дом с черного хода. А там, пойми меня правильно, установлен крохотный тактический заряд, отправляющий яйца пешки к самому потолку. После этого я выхожу через ничем не прикрытый главный вход и пожимаю плечами, потому что профи-пешка перехитрил сам себя. Понимаешь, *amigo*¹⁷, о чем я толкую? Я толкую о том, что если тебе показалось, что ты разгадал планы плохого парня, тебе следует на секунду остановиться. И нащупать третье дно...

– Где ты установил свой тактический заряд, Исмаэль? – громко спросил Данст в темноту коридора, скрытого мглой. – На передней двери, или задней? Сколько раз мне нужно переиначить свой план, чтобы он совпал с твоим?

Ответом была тишина. Лишь скрипели сосны, умудрявшиеся прорасти прямо сквозь скальные разломы. Мартин еще немного постоял на крыльце, стараясь не думать про забирающийся под куртку мороз. Затем осторожно толкнул дверь, смещаясь в сторону. Не заметил ни растяжек, ни лазерных лучей. Створку не вышибло взрывом, в него не грянул залп. Вероятнее всего, ловушка поджидала как раз на запасном выходе...

– Исмаэль, сейчас я войду! – громко сказал он, еще сдерживаясь, но испытывая все более неумное желание обнажить пистолет. – Пожалуйста, постарайся не стрелять!

Доппельгангер вступил в коридор, искренне надеясь, что все делает верно.

Лететь в Миннеаполис пришлось самым обычным рейсом, а потому он не имел возможности взять с собой ни сканеров, ни голографов, ни даже самого примитивного прибора инфракрасного видения или видеоразведчик. Только крохотный пистолет из недетектируемых сплавов, но тот вряд ли поможет, если проходы заминированы или Тайпан вообще покинул свое лесное убежище. Еще у Данста был с собой миниатюрный мощный фонарик, лежавший в кармане. Но тот мог быть воспринят, как подствольный, а провоцировать старого знакомого визитер не хотел...

– Ты ведь меня помнишь, старина? – Медленно продвигаясь по коридору, Мартин продолжал свой монолог, адресованный полумраку в углах комнат. – Доппельгангер вошел в дом...

Он заметил раковину, заваленную горой грязной посуды. Разожженную железную печь в главной комнате первого этажа; еще дымящиеся, недавно потушенные свечи на столе. Пустые бутылки. Много пустых бутылок.

Черные полиэтиленовые мешки для мусора занимали добрую четверть помещения, забытые упаковками от кулинарных наборов и коробками дешевой азиатской еды. Из кухни при этом пахло так, словно там сдохло целое семейство енотов. Поморщившись, Мартин вышел в подобие холла, из которого можно было попасть на лестницу второго этажа, в кухонный закуток или комнату с пузатой печкой.

¹⁷ Друг (исп.)

– Покажись, дружище, нам нужно поговорить! – Данст покрутился на месте, всматриваясь во мрак, окружавший второй этаж. – Просто поговорить.

Он заглянул в кухню, вернулся к подножью лестницы. Внутри было тепло, даже жарко, и замерзшие на ресницах капли обратились в слезы. Стянув перчатки и шапку, Доппельгангер еще раз крутанулся вокруг своей оси, позволяя внимательно рассмотреть.

– Стал отшельником? Нет смарткома, нет мобикомпа, нет выхода в инфоспатиум... – с наигранным смехом бросил он второму этажу. Верхние ступени терялись в непроглядной темноте. Исмаэль мог быть прямо там, в считанных футах, и все равно оставался невидим. – Думал, ты теплокровный. Думал, тебя потянет на юг. Может, обратно в Мексику...

И тогда тьма ответила. Совсем не из того места, откуда этого ждал приехавший из Нью-Йорка пешка. Только сейчас тот заметил узкий дощатый настил, нависающий над своей головой.

– Власти США запретили экстрадицию своим южным соседям, – проскрипел Тайпан, все еще скрывавшийся во мгле. – Здесь конфедераты меня точно не найдут...

– Но я же нашел. – Повернувшись лицом к настилу, Мартин показал раскрытые ладони.

– У тебя был след, Доппельгангер... – невнятно произнес Исмаэль Варгас, и Данст заметил отблеск на винтовочном цевье. – А теперь докажи мне, что ты здесь совсем не по их воле...

Актуальное имя: Исмаэль «Тайпан» Варгас. Биологический возраст 46 лет, мужчина, монголоид, предположительно мексиканского происхождения. Доминирующий психотип: холериенал, подвержен неожиданным вспышкам возбуждения и столь же неожиданной депрессии. Специализация: оперативный боец. Дополнительные возможности: информация недоступна. Биомплантаты: зрительные нервы; механические усилители: информация недоступна. Уровень подготовки: Альфа-II. Потомственный пешка. С 10 лет вместе с отцом участвовал в локальных партиях по всему миру. Участник множества боевых операций с 2047 по 2060 годы в странах Альянса и Южно-Американской Конфедерации. С 2062 года – военный инструктор на государственных тренировочных полигонах Аргентины, КНР и ЮАР. 2063 год: Сан-Франциско, «Казус силиконовых правителей». С 2065 года: свободный пешка Шахматного Клуба. 2067 год: ряд миссий в ходе затяжного конфликта, известного как «Куст герани», территория Альянса. Имеет опыт кратковременного командования боевой группой, с 2063 года неоднократно выполнял операции в группе Мартина Данста. Имеет четырнадцать ранений. Общая оценка эффективности по совокупности показателей: 87 %.

...Мартин с трудом удержался, чтобы не шагнуть в комнату, под пусть призрачное, но прикрытые стены. Остался на прежнем месте, покачав головой.

– Вернемся в Гранд-Рапидс, дружище? Выйдем в инфоспатиум, и я покажу тебе контракт. Других доказательств у меня нет. А теперь, будь добр, перестань целиться мне в лицо...

Исмаэль убрал оружие. Неохотно, но задрал стволом вверх. Еще секунд десять кряхтел, принимая решение. Наконец забросил винтовку за спину и ловко спустился по неприметным, едва выпирающим из угла скобам.

– Заряд установлен на черном входе, – пробубнил он, шатко удаляясь по коридору. – Ты ведь один, Доппи?

И с грохотом закрыл входную дверь, через которую уже начинало наметать снега.

– Один, Тайпан, иначе и быть не может.

Пройдя в комнату, мексиканец зажег свечу, от нее – еще пару.

Взглянув на его осунувшееся, покрытое щетиной лицо, Мартин чуть не вздрогнул.

У него не было друзей. С самого Легиона, да и там они были временными. Но если и выбирать таковых персон среди наставников, коллег, работодателей и деловых партнеров, то на первое место он бы обязательно поставил Варгаса. А потому искреннее посочувствовал оставшему пешке. Человеку, носившему прозвище Мексиканского Тайпана и сейчас выглядевшего, как траппер XIX века, прошедший в горах одинокую голодную зиму...

Их отношения было нельзя назвать однозначными. Однако, познакомившись на полях так называемого «Силиконового казуса», два пешки смогли не просто сработаться, но и дважды спасти друг друга от смерти. В их работе, циничной и холодной, будто январский иней, такое считалось статистической погрешностью. То есть – невозможным в обычной жизни. Когда иные пенсы узнавали, что Данст и Варгас поддерживают отношения вне оплаченных партий ТрансСтатов, они лишь открывали рты и крутили пальцем у виска...

Исмаэль выглядел не плохо. Он выглядел отвратительно, а несло от него, будто от выгребной ямы. Грязный, похудевший фунтов на тридцать, хозяин избы был пьян, как кладбищенский сторож. Слоистая одежда висела мешком, дырявая во многих местах. Борода росла клочками, на ней засохли комки томатной пасты, спутанные волосы лезли на невымытый лоб. Единственное, о чем обитатель лесного форта не забывал, так это о чистке оружия. Когда Варгас поставил автоматическую винтовку в угол гостиной, Доппельгангер обратил внимания, что та находится в безупречном состоянии.

Мартину было жаль старого приятеля. Хотя бы потому, что он был все еще признателен тому за наставничество, открытие тайн мира шахматных пешек и знакомство с Бенджамином Молтоном. А еще он видел в нем будущего себя – растворенного в небытии, нежелательную версию собственной судьбы, если что-то пойдет не так.

– Ты сломался, Исмаэль, – осторожно произнес он, рассматривая лицо отшельника в свете танцующих свечных огоньков. – Или близок к тому.

– *Besarme el culo*¹⁸, Доппи, – мексиканец рыгнул, опускаясь на продавленный диван и протягивая ноги к печи. – Скажи спасибо, что не продырявил твою башку еще на крыльце... Валяй, напарник, заканчивай дело. Хочешь меня завалить? Я даже не буду сопротивляться, пойми меня правильно...

Он дотянулся до бутылки на полу. Взболтал, глядя на просвет, сделал глоток. Сморщился так, что его чуть не стошнило. Данст, неспешно отбрасывающий один план действий за другим, стоял сбоку от дивана. Смотрел на гудящую печь, грея руки в карманах. Размышлял и взвешивал.

– Я здесь по собственной воле, Тайпан, – наконец негромко ответил он, больше не глядя на спившегося пенса. – Конфедераты, или кому ты там прижал хвост по время «Открытого пространства», ни при чем.

– Так какого черта приперся? – Исмаэль сунул руку под слоеные одежды, шумно почесав пузо. – Соскучился, неужто?

– Считай, что так. Ты нужен мне на работе.

– На работе? – Варгас недобро улыбнулся, а затем махнул рукой в сторону узкого коридора. – Садись-ка в свой внедорожник, Доппи. Гони так, словно на хвосте сидит сотня бесов. И никогда не возвращайся, понимаешь меня?

Мартин вздохнул. Имей он дело с любым другим пешкой – пусть даже проверенным и опытным, так бы и поступил. Но Тайпан не был «другим пешкой». А еще Доппельгангер собирался сторицей окупить потраченное на Миннесоту время.

– Ты знаешь, что я не уеду.

¹⁸ Иди в задницу (исп.)

– Тогда оставайся на ужин, – Исмаэль пьяно хохотнул. – Frijoles refritos y cerveza¹⁹, пальчики оближешь! Вспомним старые деньки. Помнишь подземные хранилища углекислого газа? А партию на круизном лайнере? Нам есть, о чем потосковать, приятель... А завтра сходим пострелять бобров, будет весело... – И вдруг нахмурился, обозлившись в одну секунду. – На кой черт ты вообще приперся, пацан?!

– Ты знаешь. Собираю рок-группу.

Данст расстегнул куртку. Медленно прошелся по комнате, осматривая царивший повсюду разгром. Носком ботинка мужчина раскидывал в стороны мусор, словно читал дневник пребывания Тайпана в этой дрянной избушке.

– Дело выгодное, интересное. Сможешь заработать. Скрываться от конфедератов приятнее на пляжах Адриатики, нежели в холодных горах сусликового штата.

– Неверный выбор ты сделал, Доппи. – Мексиканец мотнул головой. Его пьяная злость ушла, уступив место усталости и разочарованию. – Потратил время, пойми меня правильно. Подумать только... Человек, который не совершает ошибок, потратил время впустую!

Он невесело хохотнул, уже не пытаясь удержать гостя взглядом. Снова глотнул из бутылки, поморщился.

– Как знать, amigo, как знать... – Доппельгангер остановился за спинкой дивана, глядя на заросшего лесника сверху вниз. – Ты ведь помнишь, что я не люблю отказываться от намеченных планов?

И не успел Исмаэль ответить или обернуться, нокаутировал того безупречно-выверенным ударом в затылок. Хрюкнув и уронив бутылку, отшельник упал вперед, лицом на журнальный столик, заваленный горами хлама. Пара свечей погасла, но одна упала на ковер и закатилась под мятый бумажный журнал. Обогнув диван, Мартин осторожно затоптал начинающийся пожар. Сорвал с гардины примеченную чуть ранее веревку.

Убедившись, что мексиканец жив и не травмирован, Данст умело скрутил его руки за спиной. В наступившей тьме тело Исмаэля казалось кучей тряпья. Вонючего тряпья. Запалив одну из устоявших на столе свечей, Доппельгангер связал и ноги старого товарища. Ввалил того на плечо, поражаясь, как же сильно похудел Варгас. Направился к входной двери.

– У тебя есть двадцать четыре часа, Тайпан, – сквозь зубы пробормотал он, спускаясь с крыльца. Зашагал к машине, стараясь не поскользнуться. – Если за это время ты не вернешься в норму, я лично оплачу твой билет до Гранд-Рапидса. Но пока – ты мой, пойми меня правильно...

Уложив пешку в багажник внедорожника, он надежно зафиксировал Исмаэля буксировочными тросами. Соорудил из двух носовых платков и запасной медмы вполне сносный кляп. Набросил сверху пару циновок, прихваченных в гостиную. Отступил, будто бы любуясь, и остался вполне доволен проделанной работой.

Вынул фонарь и вернулся в дом, потратив на обыск лишь четверть часа. Оценил внушительный арсенал отшельника, но трогать оружие не стал. Прихватил лишь сумку с личными вещами Варгаса, остатки наличности, кое-какие медикаменты, пару бутылок питьевой воды, бытовую мелочевку и старый мобикомп с разряженной батареей.

Покидая гостиную, Мартин снова зажег свечу, успевшую погаснуть от сквозняка. Но на этот раз оставил ее не на столе – обстоятельно угнездил оплавленный цилиндрок на полу, где пламя доставало до сорванных с гардины штор.

Вернувшись в машину, Данст обнаружил, что Исмаэль очнулся. Лежал неподвижно, даже не пытаясь освободиться, и только карие глаза ярко и дико сверкали на чумазом лице.

¹⁹ Жареные бобы с пивом (исп.)

– Двадцать четыре часа, – садясь за руль, повторил Доппельгангер, словно сторчавшийся пешка мог слышать первую часть его тирады. – Если не изменишь решения, я компенсирую убытки и верну тебя в эту *culo del mundo*²⁰.

Когда внедорожник добрался до опушки и вывернул на федеральную дорогу, пожар добрался до зарядов арсенала, запасов горючего и замаскированного соратобу. После этого в горах, срывая со склонов миниатюрные лавины, глухо пророкотали несколько взрывов. Данст включил радио и невесело вздохнул.

²⁰ Задницу мира (исп.)

Милан 23 декабря 2068 года 17-15

«Прошу простить меня за банальность. Но если вы читаете эти строки, значит, я мертв.

Партия, в которую я волею судеб ввязался в этот раз, увы, оказалась для меня роковой и последней. Прошу не винить меня в сделанном выборе. Также прошу оставить разбор моей многострадальной судьбы как минимум до окончания поминок. Я жил, как умел, а умел я немного. Умел стрелять и отнимать у других будущее, и если вы считаете, что на краю могилы раскаялся хоть в чем-то из содеянного – вы все глубоко ошибаетесь.

Приведенные ниже адреса, это координаты моего адвоката. Прошу связаться с ним для получения оригинала завещания, а также оглашения последней воли усопшего. Пока же позволю попрощаться буквально в двух словах.

Уважаемые родственники! Елена, которую вы так искренне невзлюбили с самого момента ее появления в моей жизни, получит 30 % оставленных мной капиталов. В отличие, и я рад представить ваши вытянутые лица, от большинства из вас. Уверен, что после негодования и злости, терзающей семью после прочтения данных строк, вы осознаете и примете всю взвешенность моего решения.

50 % сбережений я завещаю жертвам террористических актов и фонду «Чистое небо». Я не пытаюсь искупить грехи, я просто надеюсь помочь тем, кто несправедливо и случайно оказался на линии моего огня.

Остальное – 20 % до последнего дайма, – получит авиабаза ВМС в Пенсаколе. Я многим обязан своим преподавателям и сослуживцам, и пусть наши пути разошлись, хочу поддержать тех, кто сейчас впервые садится за летный тренажер инфоспатиума. Надеюсь, получившие мою стипендию парни никогда не станут пешками и честно послужат своей великой стране.

Семья получит персональные сувениры – их полный список имеется у адвоката. Если подарки покажутся вам нелепыми или неуместными, прошу кремировать их вместе со мной. Считаю, это достойный финал для вещей, ни одну из которых я бы не хотел видеть с того света пылящейся на чердаке.

Смахните слезы. Всем, кто меня знал, передаю привет. Если поднимете в мою честь стаканчик, буду рад. Не поднимете – черт с вами. Передаю особый поклон Клубу и всем Транснациональным Статусам, с которыми мне довелось сотрудничать. Уверен, узнав о моей смерти, многие из вас вздохнут свободно.

P.S. Елена, я никогда не переставал любить тебя».

Анджей в последний раз пробежался глазами по ровным строчкам письма, витиеватым, темно-синим, написанным от руки старинной перьевой ручкой. Осторожно сложил белоснежный лист, пригладил сгиб ногтем большого пальца. Бережно вложил бумагу в желтый конверт антикварного вида.

Стоявший сбоку ирландец в сомнении потер кончик носа. Вынул сигареты с таббабинолом, повертел, не спеша вскрывать пачку. Курить в помещении категорически запрещалось, но привычным жестом Киллиан мог хоть немного замаскировать собственное замешательство.

– И так каждый раз?

Он постучал костяшкой по медным крышкам почтовых ящиков, перекочевавших в контору «Foglie gialle²¹» прямым из прошлого века. А может, даже из позапрошлого. Комната, в которой они с Зентеком находились, напоминала депозитное хранилище банка – ряды прямо-

²¹ «Желтые листья» (ит.)

угольных дверок занимали всю стену, посреди музейно-почтового зала разместился массивный стол из натурального дерева, занятый разнообразными, но одинаково устаревшими письменными принадлежностями.

Анджей не ответил. Кивнул, расправляя клапан конверта, и вульгарным, давно забытым движением языка облизал липкий слой бумаги. Неспешно, с нарочитой важностью и тактом завернул клапан, заклеивая послание. Встал из-за стола, пряча конверт в узкую металлическую ячейку.

– Ритуал? – Киллиан покосился на Зентека.

– Ритуал, – серьезно ответил тот.

Пальцами подправил конверт так, чтобы тот лежал ровно посередине почтового ящика. Медленно закрыл тяжелую створку, украшенную коваными медными узорами.

– Кто-то ставит в храме свечку. Кто-то делает ставки на скачках или гадает на Таро. Я – пишу.

Анджей с благоговением снял с нагрудной цепочки тускло-желтый металлический ключ. Прикрыл дверцу и медленно – Финукейн услышал, как внутри щелкнула собачка раритетного замка, – провернул его в скважине...

Актуальное имя: Анджей Зентек. Биологический возраст 28 лет, мужчина, европеоид, предположительно польского или североамериканского происхождения. Доминирующий психотип: холериенал, жесток, имеет склонность к неоправданному насилию, демонстрирует высокие психопатические показатели. Специализация: диверсант. Дополнительные возможности: терроризм, организация диверсионных групп. Биомплантаты: левая ступня; механические усилители: отсутствуют. Уровень подготовки: Бета-V. В 2057 году Зентек с легкостью поступил в Академию ВВС в Колорадо Спрингс. Оставил учебу после второго курса по неразглашенным причинам. В дальнейшем был замечен в участии в ряде засекреченных конфликтов между правительством США и конфедератами, выступал на стороне северян. В 2062 году был завербован в «Бригаду патриотической поддержки американского народа». С 2063 по 2065 год принимал участие в операциях «Бригады», в том числе имеет причастность к террористическим актам на территории Нью-Йорка и Чикаго в 2064 году. В 2065 году покинул Южно-Американскую Конфедерацию, зафиксирована смена личности; в том же году впервые принял участие в шахматной партии «Клин» на стороне ТрансСтата «Хитоде», как независимый пешка. С 2065 по 2067 годы прошел курсы повышения квалификации в тренировочных лагерях Клуба в Албании, сдал экзамены с высочайшими показателями. Также к его послужному списку относят недавние теракты в Милане, Киеве и Иерусалиме. Имеет три ранения. Общая оценка эффективности по совокупности показателей: 64 %.

... – Даже не подозревал, что ты столь... старомоден, – честно признался ирландец, борясь с искушением закурить. Он изучал реакцию собеседника, пытаясь понять, не обидел ли ненароком. С учетом характера пешки, это было бы нежелательно. Когда брови пенса дрогнули, выдавая эмоцию, поспешно добавил: – И дорого «Желтые листья» берут за пересылку такого рода писем?

– Итальянцы не занимаются пересылкой, – сдержав раздражение и с пониманием кивнув, ответил Зентек, похожий на сосредоточенную выдру. – Ни одно письмо не покидает пределов этой комнаты. Только в виде пепла, если так пожелает клиент. А уж они, поверь, обеспечены достаточно, чтобы раз в несколько дней пересекать земной шар исключительно для того, чтобы вскрыть ячейку, вынуть письмо, написать ответ и спрятать его на прежнее место.

– Настоящий Клондайк для Интербюро, – хмыкнул Киллиан, еще раз осматриваясь в поисках скрытых камер, и не обнаружив ни одной. – Ячейки даже не имеют дактилоскопических засовов. Открываются отмычкой или термической гранатой. Внутри никаких капсул с кислотой, способной уничтожить содержимое при несанкционированном доступе.

– Хозяева этой необычной конторы блюдут конфиденциальность клиента сильнее, чем исповедники Христа-Прощающего. – Анджей бережно пригладил зачесанные на затылок темные волосы. Снял со спинки стула длинный коричневый плащ и принялся неспешно одеваться. – А охраняется она эффективнее, чем Форт-Нокс. Любой банк имеет меньше прав перед Интербюро, чем миланские «Листья». В ячейках запрещено оставлять деньги, ценные бумаги, цифровые носители, оружие и наркотики. Получить ордер на обыск этого хранилища сложнее, чем обшарить Национальный банк Швейцарии.

Он внимательно посмотрел на нового командира, словно размышляя, не рассказать ли больше.

– Ты не представляешь, насколько популярны стали подобные фирмы в последнее время, – произнес он, многозначительно покачав головой. – Только сейчас люди стали осознавать, как это важно – отправить близкому человеку не бездушное цифровое послание, а настоящий конверт. Предмет, который держали любимые руки. Позволить тому увидеть почерк. Ощутить запах чернил...

– И давно ты пользуешься их услугами? – Киллиана подмывало как можно скорее покинуть кабинет. Но поляк одевался и говорил с нарочитой неспешностью и сосредоточенностью.

– После Новой Украины. – Тот замер, не до конца продев правую руку в рукав плаща, и ирландец пожалел, что невольно отвлек его от этого важного процесса. – Меня тогда основательно зацепило. И я вдруг представил, что сейчас умру, а любимая женщина, пусть и чужая, не получит ни цента моих сбережений. В отличие от родственничков, все еще негодующих, что я бросил карьеру морского пилота.

Финукейн пожал плечами. С учетом специфики работы, любой из них имел право на собственные причуды. Даже если они были столь необычны и недешевы, как у Зентека.

– Что делаешь с письмом после возвращения с партии?

Киллиан отлепился от стены с рядами ячеек и решительно двинулся к двери. Покинуть комнату они могли лишь по личному сигналу Анджея, но Финукейн надеялся, что его мельтешение возле входа станет необходимым намеком. Тот, наконец набросив плащ на плечи, не ответил, и лишь многозначительно взглянул на бронзовую чашу для сжигания бумаг.

– И каждый раз пишешь новое? – Киллиан положил ладонь на дверную ручку – кованную, железную, полностью соответствующую стилю всего кабинета.

– Текст прежний. – Зентек неспешно подпоясался, оправил отложной воротник. – Но пишу я его каждый раз заново.

Он подошел к двери и снял тяжелую эбонитовую трубку, висящую на стене. Что-то пробормотал, после чего в толстой створке лязгнуло. Ирландец с облегчением толкнул дверь.

Двое широкоплечих невозмутимых мужчин в деловых костюмах проводили их по коридору и лестнице, выводящей в приемный холл. Еще на ступенях Финукейн вынул из кармана упаковку нейростимов, с блаженством разжевав розовую капсулу. Вскрыл пачку, сунул сигарету в зубы. Один из охранников было двинулся к нему, чтобы вежливо напомнить, что курить внутри запрещено, но увидел раскрытые ладони и с пониманием отступил.

Киллиан и Анджей пересекли пустынный круглый холл. По кольцевому балкону второго этажа неспешно прогуливались стражники в бронежилетах третьего класса и с автоматическим оружием на груди. Неприметные, держащиеся теней, готовые дать отпор любому, кто посягнет на тайну переписки.

На стойке регистрации Зентек вынул из держателя шариковую ручку и оставил смешную закорючку в журнале посещений – еще одном пережитке ненужного прошлого. Затем сдал ста-

ринный номерной ключ – вместе с желтой цепочкой, на которой носил. Вежливо попрощался с клерком, после чего оба пешки покинули почтовый офис, выходя на площадь Габрио Пиола.

– Тебе нужно отдохнуть, командир, – остановившись на низком бетонном крыльце, поляк внезапно раскинул руки, сладко потягиваясь. Он преобразался на глазах, из нетерпеливого, совершенно не соответствующего своему возрасту усталого обывателя превращаясь в подвижного нервного хищника. Речь убыстрялась, становилась скомканной и отрывистой. – Поспать хотя бы шесть часов. И без всяких стимуляторов.

– Время поджигает. – Финукейн с опаской наблюдал за трансформацией напарника. За опасным блеском в зрачках, за дерганностью движений, так непохожих на задумчивую сосредоточенность при надевании плаща. – Наш рейс через полтора часа.

Он наконец-то прикурил, с наслаждением и опаской втягивая сладкий дурманящий дым. Протянул сигарету Анджею, но тот покачал головой.

– Надеюсь, это не повлияет на твою работоспособность, – с тонкой противной улыбкой произнес Зентек, оправляя шарф.

Ирландец, столь же искусственно улыбнувшись в ответ, едва сдержался, чтобы не вспыхнуть. Представление о незнакомом пешке, сформированное лишь на данных Клуба, котировках и комментариях работавших с поляком коллег, оправдывались на 100 %. Финукейну, как профессионалу своего дела, оставалось лишь надеяться, что мерзость характера Зентека будет целиком компенсирована его профессионализмом.

– Орио-аль-Серио? – осведомился Анджей.

– Линате, – поправил его Киллиан. И внезапно испытал непрощенную волну удовольствия – он был рад, что чинно-взвинченный пенс не сумел угадать аэропорт отправления. – Ты належке?

Вместо ответа поляк вдруг подступил чуть ближе. Так близко, что рыжеволосому даже пришлось отодвинуть руку с сигаретой, чтобы не ткнуть угольком в отворот коричневого плаща.

– Я не подведу тебя, Финукейн, – словно прочитав его мысли, неожиданно произнес молодой высокий мужчина, чье лицо напоминало морду хорька или выдры. Пригладил длинные волосы, уложенные лаком. – Про меня много чего говорят. И пусть мне нравится взрывать людей... и стрелять в них нравится... и пусть кто-то считает это отклонением от нормы... но своих командиров я никогда не подводил.

– Верю. – Ирландец кивнул, в упор разглядывая водянисто-синие зрачки своего нового подчиненного. Сглотнул сладкую слюну. – Иначе бы не пришел.

Киллиан не лгал. Если бы у него оставались хоть какие-то сомнения на счет профпригодности поляка, он бы мгновенно вычеркнул его кандидатуру из списка. А еще он действительно чувствовал усталость – жидкую свинцовую волну, вплотную подступившую к сознанию и пока сдерживаемую лишь тонкой дамбой из таблеток и легального наркотика.

Время действительно поджимало, за последние сутки заставив Финукейна побывать сразу в четырех городах Альянса. Города давили. Давили скоростными магистралями, высотками из бетона, серыми толпами на перенаселенных улицах, гомоном и постоянным присутствием вездесущего инфоспатиума. Даже такие, как Милан, сумевшие сохранить драные остатки самобытности – сейчас вымораживали даже они...

Киллиан хотел быстрее закончить дело. Собрать *своих*, забравшись на самый верх, оставить этот хаос и бестолковый шум далеко под ногами. Сбросить бремя менеджерских обязанностей, поскорее взявшись за рукоять винтовки. Черт, да, конечно же, Анджей прав – ему просто необходимо выспаться... Но позже, когда группа будет окончательно укомплектована. Потому что вторым достоинством командирской пешки после умения стрелять и не подставляться под пули, было его умение набирать команду.

Сорок часов до выдвигания на точку...

Иногда это напоминало ему разновидность реалити-шоу на популярном телеканале. То, где в комнату с помощью воздушной пушки вбрасывали несколько игральных карточных колод. Кружащих, как снег. Два человека – сам Киллиан и его невидимый пока противник, – одновременно врываются в помещение, начиная на скорость собирать картинки с пола. Выигрывал тот, кто набирал более мощную комбинацию. Азартно, увлекательно, жарко. Требовало смекалки и дальновидности в сочетании со скоростью передвижения. Но иногда карты сами отказывались лечь в ладонь...

Вспомнив о Берлине, Финукейн невольно поморщился.

Отодвинулся от Зентека, постаравшись, чтобы тот не заметил его реакции. В Берлине рыжего наемника едва не подкосила первая серьезная неудача – Миллер Вайс, первоклассный пешка с высокими котировками, отказался от контракта, ссылаясь на филиппинский след ирландца. Даже не допустив личной встречи, диверсант с пятнадцатилетним стажем заявил, что лучше до следующей весны просидит без работы, чем войдет в команду «мясника» до того, как Комитет Клуба завершит расследование. Того, что Зентек попал в поле зрения Финукейна только после жесткого отказа Вайса, поляку было знать не обязательно.

Затушив сигарету о стену здания, Киллиан завернул окурочек в салфетку и спрятал в карман. Анджей, неподвижный и выжидающий, внимательно наблюдал за командиром.

– Так ты належке?

– Именно так.

Ирландец тут же подступил к тротуару, подзывая такси жестом, который не устареет точно так же, как причудливая прихоть некоторых писать от руки. Из потока на втором ярусе отделился желтый соратобу, начав перестраиваться и снижаться.

– И все же, – высокий худой Зентек вдруг склонился к уху Киллиана, почти касаясь его губами, – объясни, зачем в оборонительной партии тебе понадобился квалифицированный диверсант?

Тот покривился, настолько неожиданной оказалась манера новенького обсуждать дела прямо посреди людной улицы. Да еще и лезть прямо в лицо, плюя на понятия персонального пространства и манеры хорошего тона. Но ответил, постаравшись не отстраняться и чувствуя запах туалетной воды поляка.

– Потому что профессионал способен предугадать, – негромко ответил он, осторожно положил открытую ладонь на грудь Зентека и мягко отодвинул парня от себя, – что на его месте сделал бы потенциальный противник аналогичного профиля. Именно за это я и собираюсь тебе платить...

Такси с воем опустилось к бордюру тротуара, едва не чиркнув по асфальту задним нижним бампером. Полы пальто и плаща синхронно вскинулись под ударами турбинных выхлопов, и мужчины поспешили забраться внутрь.

Уэст-Палм-Бич 23 декабря 2068 года 19-30

Кондиционер определенно не справлялся. Воздух, вязкий и душный, лип к телу старой футболкой, мешал дышать полной грудью. Мартин потянулся к банке, замечая, как Варгас машинально повторяет его жест. Последние сутки Тайпан только и делал, что пил. Причем вкачивая в себя как медицинские детокс-коктейли, так и вообще все, что лилось в стакан. Но без капли алкоголя, и это Доппельгангера искренне радовало.

Глоток все еще холодного, но уже нагревающегося лимонада не принес облегчения. Оставил на языке тяжелый привкус металла и консервантов. Отставляя банку, Данст с тоской вспомнил про подмороженные улицы родного города.

– Пойми меня правильно, – протянул мексиканец, – но лучше уж бы ты бросил меня подыхать в снегах Иллинойса...

Слова, медленные и тягучие, проплыли через комнату, осев где-то в углу. Исмаэль заерзал в плетеном кресле. Он выглядел сухим и изможденным. Измотанным. Слабым – его ответный мстительный хук, нанесенный после того, как Мартин снял веревки, даже не оставил синяка. Но в норму постепенно приходил, возвращая взгляду былой блеск и цепкость. Он что-то пробубнил и большим глотком прикончил банку, отставляя на низкий журнальный столик.

– Встряска и смена климата пойдет тебе на пользу, – лениво обронил Мартин, продолжая разглядывать стены. – Ты бледен, как гусеничное брюшко...

Стены в ответ разглядывали людей. Глазницами темных африканских масок, драгоценностями в сабельных эфесах, бликами в полированных копейных дрезках. За хозяином дома на побережье не водилось славы собирателя – за последние годы он не добавил в коллекцию ни единого предмета. Но и не потерял: где бы не осел пешка, к которому пожаловали напарники, он всегда возил с собой несколько огромных чемоданов, набитых удивительным барахлом, словно музейные запасники.

Когда владелец старинного и не только оружия развешивал богатство по квартире, та мигом превращалась в смесь выставки, подпольного штаба сектантов и арсенала.

Кроме ужасающих масок на стенах висели разнообразные ножи, наконечники ассегаев, старинные штурмовые карабины, погремушки из тыкв, черепа животных, деревянные и глиняные таблички с резными узорами, связки сушеных плодов. Прислоненный к сабвуферу головизора, в углу виднелся даже высокий узкий щит из вошеной кожи буйвола и тонких дощечек, раскрашенный в ярко-желтые и красные полосы.

Атмосферу отлично дополняли псевдообъемные распечатки храмовых руин, спутниковые снимки и книги по истории забытых городов древности. Часть картинок была вставлена в рамки и занимала законные места среди холодного оружия и демонических личин. Часть была разбросана по дивану, плетеным креслам, журнальному столику и полу.

Варгас снова сменил позу, с кряхтением и недовольной миной. Взял с этажерки глиняную поделку – пузатую птичку с дырочками на хвосте, повертел перед глазами.

– Чертов чернокожий похож на барахольщика, – хмыкнул он, поднося свистульку к губам.

– Чертов мексикашка похож на члена АА на втором шаге, – раздалось от дверей, и летящий из проема вечерний свет перекрыла широкоплечая фигура. – Дунешь в этот свисток, поедатель гуакомоле, и в твою жизнь ворвутся сущности такого порядка, что ты возненавидишь судьбу...

Тайпан вздрогнул, брезгливо откладывая глиняную фигурку. Суетливо перекрестился, с недовольством косясь на хозяина дома. Его губы шевелились – пешка или молился, или слал проклятья на головы темнокожего колдуна.

Мартин улыбнулся.

– Раздал инструкции грузчикам? – Он встал, ныряя в духоту, неспешно прошелся по комнате.

– Парни подтянутся завтра днем, – ответил Фаусто Сантейро. – Осталось собрать сумку.

Раздвинул журчащую бисерную занавеску в дверях, прошел внутрь. Раздал гостям по еще одной банке ледяного лимонада. Его эбонитовая кожа лоснилась и блестела, на обнаженных руках сверкали капельки пота. Здоровяк подобрал напугавший мексиканца свисток, бережно откладывая его на книжную полку. С легкостью, неестественной для его комплекции, опустился в плетеное кресло.

– Давай-ка, Доппи... – попросил он, с шипением распечатывая цилиндр из разлагающейся пластмассы. Качнул головой, отчего густые толстые дреды зашевелились рассерженным змеиным выводком, – расскажи про уровень предполагаемого сопротивления...

Данст послушно опустился на прежнее место. Темноликий пенс уже дал официальное согласие на участие. И даже начал приготовления по эвакуации жилища в новое солнечное место континента. Но если желал знать немного деталей до основного брифинга, отказывать ему в этом командир не мог.

– Мой поверенный предполагает уровень встречи на отметке «желтый». Однако, повторюсь, в нашу задачу не входит полное подавление. Зайдем, пенетрируемся, забираем необходимую папочку информацию, удаляем оригинал и так же оперативно отступаем. Человек пять-шесть, вряд ли больше. Впрочем, класс пешек мне еще неизвестен.

Фаусто вновь качнул гривой и запрокинул голову, вливая в глотку всю банку разом...

Актуальное имя: Фаусто Сантейро. Биологический возраст 41 год, мужчина, негроид, предположительно гаитянского происхождения. Доминирующий психотип: сангвиникатор, спокоен, уравновешен, рассудителен, погружен в себя. Специализация: итурмовик. Дополнительные возможности: снайпер, транспортные средства. Биоимплантаты: 75 % грудной клетки; механические усилители: информация недоступна. Уровень подготовки: Альфа-1. Увлекается боевыми обычаями различных народов, религиозен. Имеет опыт ведения боевых действий с 2036 года, в тринадцать лет командовал диверсионным отрядом Ямайской Партии Борьбы за Независимость. В 2039 году бежал в Колумбию, где прошел профессиональную подготовку в лагере картеля «Пурпурная роза». С 2040 по 2043 годы участвовал в ряде диверсионных вылазок на территории Мексики и ЮАК. 2044-2050 годы: информация недоступна. В 2051 году появился на территориях ЮАР и Анголы в рядах пешек ТрансСтата «Локхид Мартин Крайслер». 2054 год: Таиланд, Гонконг, Монголия, Афганистан. С 2058 по 2063 год участвовал в ряде крупных партий по всему миру. 2064 год: центр повышения профессиональной квалификации в Ливане. В 2066 году в разгар Второй Американско-мексиканской войны снова возвращается в Колумбию. Замечено снижение профессиональной активности. До 2068 года принимал участие лишь в двух не крупномасштабных партиях. Имеет девятнадцать ранений. Общая оценка эффективности по совокупности показателей: 89 %.

...Отставил пустой цилиндр. В красной майке без рукавов, красных же баскетбольных шортах и каплевидных солнцезащитных очках он смотрелся поистине чудовищно и грозно.

Отодвинув со лба одну из бурых косичек, штурмовик блеснул линзами, поочередно взглянув на каждого из гостей.

– Я давно не работал, Мартин.

– Мне это известно.

– Но еще тебе известно мое кредо, – невесело признал Сантейро, и его пухлые губы изогнулись в улыбке. – Потому и пришел, так?

– Возможно...

Доппельгангер лукавил. Прибыв на жаркий юг Конфедерации, он точно знал, что найдет здесь еще одного подчиненного. Пусть даже и постепенно отходящего от дел. Он чувствовал взгляд здоровяка, пробивающийся из-под очков. Выдержал его, многозначительно пожал плечами. Узнав про филиппинский инцидент, такие как Фаусто, никогда не будут ни обвинять, ни выгораживать его участников. А большего командиру и не требовалось.

– Пятнадцать минут, – равнодушно пробасил Сантейро, выбираясь из кресла. – Только возьму зубную щетку...

Вновь зашелестела бисерная завеса на двери. Казалось, с уходом хозяина в комнате стало чуточку свежее, и даже поперхнувшийся климатизатор заработал с удвоенной мощностью.

– Пойми меня правильно, дружище... – Тайпан мотнул подбородком, понизил голос. – Но когда ты рассказал мне об этом парне, я думал ты бредишь...

Исмаэль тоже поднялся из кресла. Обхватил себя руками, будто ему стало прохладно. Подошел к окну и осторожно выглянул в сторону океана.

– Теперь веришь?

– Никаких сомнений. – Варгас прошелся по комнате, рассматривая коллекции ножей на стенах. – Значит, хочешь сказать, он просто берет и соглашается? Шах и мат на месте, без обсуждения и торгов?

– В точку. Шах и мат.

– Даже не уточнив суммы бонусов, условий и прочей ерунды?

– Ага. – Мартин, которого привычки Сантейро поражали не меньше других, предпочел остаться невозмутимым. – Он верит, что Бог не даст ему дурного. И с благодарностью принимает любой его дар.

– Он всегда такой был, или это последствия травмы?

– Спроси его сам, Тайпан, – теперь Данст улыбнулся по-настоящему. – Но пойми его правильно, если получишь в зубы.

– Мороз по коже... – В несколько глотков мексиканец проглотил содержимое банки. Вынул носовой платок, протирая мокрое от пота лицо. – Он что, вудуист? Кровавые жертвоприношения и расчлененные младенцы?

Его узловатый палец осторожно постучал по резной деревянной маске. Та ответила звонким мелодичным звуком, заставив обоих вздрогнуть.

– Не совсем... – Доппельгангер развел руками. – Но если вместо сбора вещей он сейчас занят неким ритуалом на удачу, я не удивлюсь.

– Чокнутый сукин сын... – Было не очень понятно, ругается Варгас, или восхищается. – Работе эта его прихоть не мешает?

– Нисколько.

Данст говорил чистую правду. Он знал Фаусто с шестьдесят четвертого, когда они совершили совместную пешую экскурсию через добрую половину Ливана во время работы Мартина на «Спектраком». После этого Доппельгангер сам привлек темнокожего к работе. Тогда и узнав про его необычную привычку братья за любое предложенное дело. Философия Сантейро могла настораживать, могла пугать и заставлять сомневаться в его здравомыслии. Но сотрудником он был исполнительным и умелым, а потому...

– Ты ему веришь?

– Не больше, чем остальным.

Черная тень снова перечеркнула лучи вечернего солнца. Пешка переоделся в спортивные штаны и ветровку на голое тело, в руке виднелась небольшая дорожная сумка.

– Готов, – отчитался он, и стекла очков опять блеснули.

– Выдвигаемся, – распорядился Мартин, поднимаясь на ноги. – Через час я должен связаться с поверенным, вылет в одиннадцать.

– Рейс заказан надежный? – уточнил Фаусто.

– Нет, официальный. Пока не светимся. Твои документы ждут в камере хранения Лодердейла.

Здоровяк кивнул, вынимая из-за пояса кобуру с пистолетом и оставляя ее на книжной полке. Рядом с глиняным свистком, все еще вызывавшим дрожь мексиканца. Тот, словно спохватившись, вдруг сделал к хозяину дома шаг.

– Значит, вот так просто? – Он склонил голову, изучая Сантейро. – Шах и мат, тебя позвали, ты пошел? Тебе что, религия не позволяет отказываться от работы?

Фаусто вздохнул. Почти незаметно. Чуть-чуть опустилась голова, едва ощутимо поникли плечи. Стекла очков уставились на командира, словно темнокожий штурмовик спрашивал разрешения. В ответ Данст лишь дернул кистью – дескать, твоя воля, можешь и промолчать. А можешь и нагрубить...

– Это, пойми меня правильно, похоже на какое-то миссионерство, да? – Варгас, на фоне Сантейро казавшийся щуплым подростком, в замешательстве потер затылок. – Ты не думай, я не нарываюсь, просто любопытно. Может, ты и бесплатно работал?

На лице штурмовика не дрогнул ни один мускул. Он опустил сумку к ноге, неспешно зачесал сотню косичек за затылок и прихватил мягким зажимом. Оправил очки, казалось, вросшие в лицо, и только после этого негромко ответил:

– Когда-нибудь, *youn ede*²², ты все поймешь. – Слова и манера речи, отлично сочетаемые с царящей духотой, накатывали мягкими влажными волнами. Исмаэль нахмурился, едва не подавшись назад. – Поймешь, чью именно работу мы выполняем. И чем приходится жертвовать, чтобы исполнить ее хорошо.

– Чью работу? – Варгас покосился на командира в поисках поддержки, но тот лишь улыбнулся и покачал головой, предлагая выпутываться самому. – Кажется, ты меня неправильно понял. Мы вкалываем на тех, кто платит, *amigo*. В данном случае, на «Хитоде». Или на Доппи, если тебя так больше устроит. Чего тут вообще понимать?

– Ты обязательно прозреешь, Варгас, – сдержанно, с нотками примирения ответил Фаусто, понимая кивнув. – Может завтра, а может на смертном одре. Но ты поймешь, как и я, что мы не работаем на Статусы. Не работаем на Клуб, не работаем на своих поверенных и брокеров. Мир погрузился во тьму. Уже давно, очень давно. Уберегая планету от глобальной катастрофы, Благословенный и Избавляющий Легба послал миру нас. Мы отдаем свои тела и души, взамен получая большие деньги. Но это не просто работа, это *путь*. С которого нельзя сворачивать. И если высшие силы дают нам шанс снова вмешаться... дают возможность выполнить работу, и не подвергнуть мир новой войне... мы с этого пути сойти не имеем права.

Тайпан молчал, обдумывая услышанное. Его сознание еще не прояснилось после длительной интоксикации, и Данст видел, как близко тот подходит к грани, за которой в воздух будут брошены насмешки или обидные обвинения. Однако вместо этого Исмаэль лишь пожал плечами.

– Вообще-то большинство считает, что мы сражаемся на стороне откровенно плохих парней...

²² Приятель (гаитянск.)

– Ничего в этом мире не происходит без благословения Легбы, – спокойно парировал Сантейро, поднимая сумку. – Даже когда мы убиваем себе подобных, невинные остаются целы. По большей части. Не Данст призвал меня согласиться с контрактом, он лишь орудие. И не бхикшу «Хитоде». А Избавляющий, чей голос слышат немногие...

Зеркальные очки не отрывались от Варгаса. Тот глубоко вздохнул, словно подбирая меткий ответ, но тут вмешался Мартин.

– Нам пора.

– Конечно, – выключив терминал управления системами дома, Фаусто направился к двери. И обернулся, еще раз кивнув лично Исмаэлю: – Если партия затянется, я постараюсь помочь тебе *увидеть*...

– Благословенная Мария и терпеливый Иосиф, – тот театрально закатил глаза и отер лоб влажным платком. – Доппи, пойми меня правильно, но ты умеешь подбирать людей...

Данст едва успел к назначенному Молтоном часу.

Придорожный мотель оказался полностью автоматизирован, не требуя тратить время на регистрацию и оплату, и не опоздать на сеанс связи Доппельгангер смог только благодаря этому обстоятельству. Высадив его на парковке, Варгас и Сантейро укатили в сторону Форт Лодердейла.

Активировав одну из липовых кредитных карт, Мартин поднялся в забронированную для него комнату – жестяную коморку, одну из сотен одинаковых нор мотеля, собранного из старых грузовых контейнеров. Внутри оказалось на удивление уютно – залитые звуконепроницаемой пеной бежевые стены, двуспальная кровать, биотуалет и, конечно же, прикрученный к стене терминал.

Разложив откидной столик, Данст опустил на шаткий стул из прессованных опилок и глины. Вошел во внутренний спатиум гостиницы и торопливо ввел адрес зашифрованного канала. Бенджамин, мрачный и немногословный, вместо приветствия лишь постучал себя по наружной стороне запястья безнадежно устаревшим жестом.

– Уровень сопротивления «центурион», – сразу перешел к делу поверенный, все еще хмурясь и невольно нервируя пешку. – Есть возможность появления «детских» групп, в таком случае вам будут противостоять еще и стажеры. Уорберг и Рито ответили отказами. Без объяснения причин, но я думаю, они ждут решения Комитета. Не звони ни одному, ни другому: нарвешься на грубость.

– Это плохо... – Мартин подстроил громкость одноразовых наушников, отбросил дражную упаковку из быстроразлагаемого пластика. – С Рито мы неплохо сработались во время «Силиконовой» заварушки...

– Как твой алкоголик?

– Выкарабкается. Я нашел ему друга, им есть, о чем поболтать...

– Значит, ты все-таки отыскал шамана?

– Мы на пути в Альянс. Ночной стыковочный на челнок в Норфолке.

– Попробую шевельнуть заокеанские контакты, – старик откинулся на спинку кресла. В его пальцах материализовался стакан с виски и кубиками льда. – Однако, пусть Синеокий Арджуна станет свидетелем моему предостережению, я бы на это особенно не рассчитывал...

Он глотнул, задумчиво разглядывая потолок. Побренчал льдом, покрутил пальцами протеза.

– Впрочем... Отправь кого-нибудь в Женеву. – Молтон кивнул, приняв решение и что-то помечая в личных записях. – Я постараюсь наладить контакт с Эйрин Маршалл, она дала о себе знать. Одна из моих бывших стажерок, сейчас поднялась до «беты». В основном балуется диверсиями, но отлично водит технику. Я проведу предварительные переговоры, много она не запросит...

– Новичок?

– Мы все когда-то были новичками. В общем, на твоём месте я бы носа не кривил...

– У меня тоже есть пара мыслей на этот счёт. – Пальцы Мартина заскользили по исцарапанной столешнице, управляясь с голографическим трекболом и клавиатурой. – Вот список имен. Пробей. Если в партию вступят хотя бы двое из них, я буду считать подготовку успешной. Если упрутся, покажи им цифры. Даже если для этого придется рассекретить контракт. С Маршалл тоже обещаю связаться.

Какое-то время Молтон молчал, изучая поступившие на его терминал данные. Седые брови агента двигались, будто жили собственной жизнью, то сходясь, то разбегаясь. Наконец он кивнул, делая еще один глоток виски.

– Сделаю все, что смогу, – признал он, поджимая губы.

– Что-то еще? – Данст вздохнул, внимательно изучая лицо поверенного менеджера. – Выкладывай.

– Ребята из «Хитоде» соизволили поделиться кое-какой информацией, – Бенджамин несколько раз причмокнул, словно пытался вычистить соринку, застрявшую между зубами. – Еще до выдвигания на объект тебя ждет сюрприз.

– Твое лицо не располагает к хорошим новостям.

– Об этом позже... В общем, мой мальчик, япошки нащупали фортификатора. Аарона Донахью. Человека, который проектировал цитадель «Конро». И сливают мне его координаты.

– Ты шутишь?

– Нисколько... – Молтон вздохнул и повел широкими плечами. – Конечно, я заподозрил подвох. Умники вроде Такешиге никогда не ведут войну до победного конца. Довольствуются ритуальными укулами, щипками и укусами. Но я пробил данные... и это действительно он. Мозг, создавший оборонительные сооружения и рассчитавший планометрику двух испанских высоток «Конро» и Кей-Джи-8621 в частности. Офисная пешка высочайшего уровня. Хранитель ключей. И тем не менее, японцы его слили. Чувешь, к чему я веду?

– К тому, что суп получается густым.

– В точку, мой мальчик. – Бенджамин побарабанил по столу, и на терминал Данста посыпались зашифрованные пакеты. – Сейчас Донахью вкалывает на один из арабских Статусов. Неофициально, в качестве консультанта. Стал важной птицей. Настоящий шейх – охрана, почет и роскошь. Однако раз в год – в точности в Рождественскую ночь... да-да, именно ночь Рождества, и не смей морочить мне голову своими Декадами Терпимости!.. так вот, в ночь Рождества Христова он седлает личный самолет и прилетает в Марсель. Провожаемый батальоном охраны, и встречаемый не меньшим количеством вооруженных крепышей. В момент перелета с ним лишь дюжина телохранителей, эдаких парадных гвардейцев для виду и устрашения хулиганов. Кстати, в одном из пакетов его точный курс и ключи входа в воздушное пространство Альянса. Есть идеи на этот счет?

Мартин окаменел. Превратился в статую, вычисляющую в уме сразу несколько сложнейших уравнений. Бенджамин, заметив его отвердевшие скулы, улыбнулся и плеснул в бокал еще виски. Поторапливать своего любимого сотрудника он не спешил.

– Коды, ключи доступа и многослойность охранного спатиума? – на всякий случай уточнил Мартин.

– Уверен, Аарон найдет, чем поделиться...

– Завтра вечером. Не позднее восьми. – Доппельгангер заговорил быстро, но внятно, словно надиктовывал запись, которую позже предстоит расшифровать. – Зафрахтованный «Суперстрим», или нечто аналогичное, на полосах Монпелье, Безье, или, на худой конец, Тулузы. Список снаряжения сброшу во время перелета в Альянс. И еще, даже если придется подключать стажеров: нужен пилот. Пусть временный, пусть не самого высокого ранга, но надежный и не болтливый. Уточни уровень сопротивления на борту. И данные по самолету.

- Сделаю.
- Что по поводу пенса в гостинице?
- Ну... – Бенджамин хмыкнул. – Полагаю, сейчас черти сношают парня в дырку, которую ты проделал в его голове. – Он хохотнул и поднял руку в перчатке, словно призывая успокоиться. – Это не филиппинцы. И не Комитет. И даже не твой бывший приятель. Ничего серьезного, я предполагаю в нем волчонка, решившего свалить жожака...
- Такое бывает. Спасибо. Хорошая работа.
- Однако...
- Бен, а вот этостораживает.
- Это вообще не полноценная пешка.
- Ты серьезно?
- Клуб до сих пор не может идентифицировать стрелка. А вот его связи с русской группировкой бруклинитов нашлись. Не самые прочные, но...
- Местная мафия точит на меня зубы?
- Не спеши с выводами. Я еще покопаю, будь уверен. Но пока держись начеку.
- Я всегда начеку. У нас что-то еще? – Несмотря на необычность новостей о стрелке из гостиницы, Мартина трясло от переполнявшего приятного возбуждения, и он чудом удерживал себя на месте. Хотелось бежать, лететь, действовать. В голове зрел план, рискованный и оправданный в равных степенях. – Я так и не услышал главной печальной новости, заставившей моего старичка помрачнеть...
- Да в целом, мой мальчик, ничего сверхъестественного... – Бенджамин допил виски, с громким стуком отставляя пустой стакан, в котором еще оставались тонкие пластинки льда. – Противник готовится к удару, собирает группу, выстраивает стратегию, чего уж тут необычного?
- Молтон?..
- Я еще помню свое имя, малыш... – Седые брови сошлись, разбежались. – В общем... через старые подвязки я вышел на одного вербовщика-норда. Матерый парень, ведет сразу дюжину групп, очень трудолюбивый. В общем, он по старой памяти поделился нотным листом ТрансСтата «Конро».
- Слил всю партию?
- Нет, конечно! – Поверенный Данста даже опешил от такого бестактного предположения. – Но фамилию рекрутера назвал. – Молтон невесело вздохнул, будто заранее извиняясь перед Доппельгангером, и даже развел руками. – В общем, мой мальчик, мне стало известно, что группу обороны собирает Киллиан Финукейн.

Бонн
24 декабря 2068 года
17-00

Официантка поставила на стол два высоких заиндевших стакана с «Гибсоном». Внутри сверкало фиолетовым и едва заметно дымилось через край. Девушка – невообразимо высокая украинка с пышной оранжевой прической, была одета в длинное желтое платье без рукавов. По предплечьям струились голографические татуировки, шею поддерживал жесткий корсетный воротник со встроенной электроникой.

– Спасибо. – Обернув ледяное стекло салфеткой, Киллиан передвинул стакан Зентеку. Анджей молча кивнул, осторожно пригубил напиток.

– Термоядерная штука, – многозначительно сообщил он, не спуская возбужденного взгляда с тугой попки удаляющейся официантки, – железно держит двенадцать часов. Если по истечению срока выпить еще один, эффект умножается...

Финукейн усмехнулся:

– То, что доктор прописал. – Он выдернул из пачки новую сигарету, но прикуривать пока не стал, разминая бумажный цилиндрок с таббабинолом в пальцах. – Нейростимы уже не помогают...

– Тебе нужно выспаться, – торопливо, шаря глазами по сторонам, уведомил его поляк. – Отключить смартфон и минут на шестьсот придавить подушку.

– Непременно, – ирландец кивнул, жадно нюхая сигарету. – Но позже. А пока – slainte²³!

Они звонко сдвинули холодные стаканы, глотая морозно-жгучую смесь.

– Если нужно, Санктуариумы сдают спальняные комнаты, – Анджей задумчиво рассматривал онемевшие подушечки пальцев, на которых проступал розовый след. Разовые дактилоскопические наклейки, не выдержавшие столь безжалостного к себе отношения, скукожились по краям. – Есть общие спальни, есть и люксовые. Совсем не дорого, с полной анонимностью нанимателя.

– Знаю, – согласился Финукейн. В его желудок ухнул сгусток жидкого огня, прочищая сознание и заставляя сердце биться чаще обычного. – Слышал, половина местных фриков тут и живет.

²³ Здоровья! (ирл.)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.